

Андрей Всеволодович Остальский
КонтрЭволюция
Серия «Любовь и власть»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6724635
Андрей Остальский. КонтрЭволюция: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69564-5

Аннотация

Загадочные вещи творятся в ЦК КПСС – уж не мессир ли Воланд из «Мастера и Маргариты» вернулся в Москву 80-х, чтобы посмеяться над партийными бонзами? Или это КГБ примеривает на себя маску Сатаны? В романе Андрея Остальского «КонтрЭволюция» комедия переходит в трагедию, трагедия оборачивается фарсом, но во всем этом водовороте подлинным и единственно важным остаются человеческие чувства, а в любви – надежда на спасение. И каждому придется расплачиваться за сделанный выбор.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	31
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Остальский

КонтрЭволюция

Посвящается Н.

Глава 1

Чертовщина в святилище

1

Посторонний человек, неизвестно как проникший в здание ЦК КПСС, был замечен в первом подъезде, на третьем этаже, недалеко от кабинета секретаря по идеологии товарища Фофанова, Григория Ильича. Собственно, именно товарищ Фофанов его и заметил. Вернувшись в свой кабинет от Генерального около четырех часов, он вызвал дежурного по комендатуре, полковника госбезопасности Софрончука Н.А. Такое не часто бывало – чтобы секретари вызывали к себе, и Софрончук был втайне недоволен: ну что еще за фантазии, в самом деле! Ясное дело, недоразумение. Ерунда какая-нибудь, посетитель забрел по ошибке не туда. Ну, да, возможно, имеет место нарушение режима. Разбираться надо, меры принимать (ух, держись, начальник смены первого подъезда майор Гришаков, готовься к голово-мойке!). Но не срывать же из-за этого с места второго человека в комендатуре, у которого и без того дел по горло! Софрончуку виделось в этом некое барство, в котором Фофанова многие давно подозревали, а может быть, даже и вызов, желание унижить старого чекиста. У него даже мелькнула мысль: позвонить начальнику «девятки» Ульянову и пожаловаться. Но потом он сообразил, что это была бы невероятная глупость – не разобравшись, вовлекать начальство. Все равно что взять и заложить самого себя раньше времени. Делать нечего – захватил полковник с собой побелевшего от таких новостей Гришакова и пошел. По дороге Софрончук с майором не разговаривал и сурово смотрел мимо него, но потом вдруг понял, что срывает на подчиненном злость. А потому в последний момент, уже в коридоре перед самой дверью с табличкой «Тов. Фофанов Г.И.», хлопнул его по плечу, сказал бессмысленную фразу: «Кобель не выдаст, свинья не съест!», и решительно взялся за сверкающую медную ручку.

В предбаннике у Фофанова сидело несколько важного вида партийных дядей в костюмах и галстуках, а также известный полуоппозиционный поэт, дико смотревшийся здесь со своими длинными космами. В другой раз Софрончук рассмотрел бы его, гада, повнимательней, но сейчас было не до него. Дежурный помощник Фофанова сразу же вскочил из-за стола, пробормотал «подождите», а сам кинулся к шефу за толстую, обитую кожей дверь – видно, был предупрежден, ждал. Тут же, в углу предбанника, сидел и прикрепленный офицер от «девятки». Софрончук повернулся к нему, кивнул вопросительно: что за хипиш? Но тот лишь покачал головой и пожал плечами: дескать, извините, ничем не могу помочь, не мой вопрос, сами разбирайтесь.

Софрончук всегда поражался размерам секретарских кабинетов – ну, зачем такие залы, в самом-то деле. Нескромно как-то и вряд ли практично. Правда, эффективно с точки зрения психологического воздействия на посетителя, ничего не скажешь. Ну, и самолюбие тешит, это уж само собой. В самый раз для партийного барина. А ведь Ленин писал про комчванство, предупреждал.

Когда дверь за помощником закрылась, Софрончук с Гришаковым оказались стоящими навтыжку в конце огромного кабинета. Они не знали, можно ли им приблизиться к письменному столу у дальнего окна, за которым заседал невзрачный плешивый человечиска.

Фофанов что-то сердито читал, не отрываясь, делал вид, что не замечает вошедших – известный прием. Наконец, соизволил поднять глаза и сказал: «Товарищ полковник, я вас, кажется, одного вызывал». «Виноват, товарищ секретарь ЦК КПСС! Со мной начальник смены майор госбезопасности Гришаков!» Софрончук знал, что, в случае чего, всегда неплохо выправку хорошую показать, выпучить вот так вот глаза и гаркнуть как следует. Ну, что с солдата возьмешь?

Фофанов поморщился, но махнул рукой: подойдите! С близкого расстояния он уже не казался таким маленьким – вполне среднего роста руководящий товарищ, просто стол несоразмерно большой.

– Я только что видел в ЦК постороннего человека, – поджав губы, сказал Фофанов. – Здесь, на третьем этаже. Когда я вышел из лифта, он поворачивал за угол – по коридору направо. Я шел за ним, видел его спину. В конце коридора он обернулся, так что я и лицо его рассмотрел. У него черные волосы и усики такие дурацкие – как у Гитлера. Или как у Чаплина.

– Товарищ секретарь ЦК КПСС, разрешите вопрос.

– Валяйте.

– Извиняюсь, но как вы определили, что он – посторонний? Не новый сотрудник, например, которого вы в лицо не знаете? Или, скажем, не кто-нибудь временный, на замену присланный? Или из другого подъезда кто-то по делу зашел. Или посетитель...

– Не держите меня за идиота, полковник, – Фофанов вдруг посмотрел на Софрончука стальными страшными глазами. («Нет, секретарями ЦК просто так не становятся!») – Если бы я не был абсолютно уверен, что это именно посторонний, я не стал бы тратить попусту своего времени. И вашего тоже.

Фофанов помолчал, видимо, сдерживая раздражение. Посмотрел в разложенные на столе бумаги, будто читал там что-то. Софрончук догадался, что ему тоже следует почтительно помолчать. Наконец Фофанов пожевал губы и сказал:

– Во-первых, перед тем как свернуть за угол, этот тип улыбнулся мне и помахал ручкой. Даже, кажется, подмигнул. Ни сотрудники ЦК, ни посетители первого подъезда так развязно себя вести не станут. Исключено. Кроме того, он был одет... Нет, вы только представьте себе! Он был одет в смокинг, с бабочкой! И ботинки черные, лакированные, на весь коридор блестят, смотреть больно!

– Может, артист какой? Певец оперный... С этих станется, могут так и в ЦК явиться, – неожиданно вступил в разговор Гришаков.

– Чушь! – отрезал Фофанов. – Я вам еще одной детали не успел сообщить: у этого типа в руках было большое серебряное блюдо или поднос какой-то, не знаю...

– Может, бубен? – радостно предположил Гришаков.

Фофанов смерил майора таким уничтожающим взглядом, что тому захотелось сквозь землю провалиться. Он весь сжался и лишь с надеждой смотрел на начальника – выручай!

– Есть еще один вариант, – откашлявшись, сказал Софрончук. – Это может быть прислуга, официант из Кремля. Там сегодня прием с иностранцами. Ну, и кто-то вызвал его сюда, а он, небось, заблудился. А насчет подмигивания и прочего, так это он, наверно, с перепугу. Ну, или выпил.

Выпил! Ну, конечно! Вечное и совершенно универсальное русское объяснение, чаще всего оказывающееся верным. Но в данном случае Фофанов был совершенно уверен: встреченный им человек пьян не был. И лакеем он не был тоже. И даже на артиста не тянул: не то выражение лица. Но объяснять этим солдафонам про разные выражения лиц было бесполезно. Пустая трата времени. А ведь вроде как учат их там, в этих их высших школах и краснознаменных институтах наукам всяким, в том числе якобы психологии. Только учеба,

видать, не впрок. Сплошные, наверно, цитаты из Маркса-Ленина, теория отражения всякая и прочее, а не психология. Ему ли, секретарю по идеологии, не знать.

И было еще одно обстоятельство, о котором Фофанов умолчал: смокинг на нахале был не того покроя, что носит прислуга. Фофанов достаточно часто бывал на приемах и раутах, чтобы отличить один класс от другого. Такой смокинг мог бы носить какой-нибудь Чрезвычайный и Полномочный. Или министр. Или какой-нибудь мистер Твистер, владелец заводов, газет, пароходов и чего там еще? Но почему-то Фофанову не захотелось афишировать свои знания в этой области.

А если не брать в расчет психологии и качества смокинга, то приходилось признать, что теория насчет официанта из Кремля имела право на существование. Фофанов даже вдруг вспомнил, что нечто подобное как-то случилось у него на глазах. Пару лет назад секретарь по оборонным вопросам Попов, после очередного успешного пуска, приняв уже изрядно на грудь, вдруг потребовал, чтобы ему прямо из Кремля (и немедленно!) доставили «выпить и закусить – чего у них там с приема осталось». И ведь доставили – как миленькие! Только никаких смокингов на прислуге вроде бы не было. Но какой, однако, был тогда устроен пир на весь мир. На всю Старую площадь, по крайней мере. Фофанов брезгливо поморщился от этих воспоминаний и сказал:

– Что мы тут с вами занимаемся теоретизированием? Извольте провести тщательное служебное расследование! Доложить через двадцать четыре часа!

– Есть, товарищ секретарь ЦК КПСС! – в две глотки радостно гаркнули Софрончук и Гришаков: на сегодня их мучение кончилось.

2

Расследование дало противоречивые результаты. Настолько, что Софрончук решил: это как раз один из тех достаточно частых случаев в чекистской практике, когда собранным данным надо давать политическую интерпретацию. Можно и так повернуть, и этак. С одной стороны, подавляющее большинство опрошенных обитателей первого подъезда посторонних не видело. Бюро пропусков не зарегистрировало ни одного певца или артиста. Официантов тоже никаких в списках не значилось, если не считать буфетчицы Надежды Павловны, она же баба Надя, доставлявшей, как всегда, горячую еду в опечатанных судках из центрального буфета. Но трудновато было представить ее в смокинге.

С другой стороны, несколько человек неожиданно внесли смуту. «Кто-то мелькнул такой, странный», – заявил вдруг сотрудник технического секретариата Николенков. Правда, по его словам, подозрительный тип был одет в самый обыкновенный серый костюм. Но какое-то подобие блюда или другого круглого предмета в руках потенциального нарушителя режима было товарищем Николенковым отмечено. Правда, без окончательной уверенности. Зато референт товарища Усманова – товарищ Буня – утверждал, что видел-таки человека в смокинге. Правда, вроде бы в другое время и на другом этаже, и даже насчет дня происшествия не был уверен, сегодня это было или вчера, а может, позавчера. «Чепуха, – думал Софрончук, – известное дело – свидетельские фантазии! Каждый опер с этим сталкивался и знает, что только дай им волю, что хочешь тебе подтвердят!» Но кто доконал Софрончука, так это баба Надя, заявившая, что «каждый день, почитай, всякие шляются, норовят пожрать цековских харчей, особенно шатенка одна надоела». И что, именно в первом подъезде шатенка в тот день обреталась? Да, да, именно, и в первом тоже, но вообще она всюду шастает, кто ей только пропуска выписывает. Это сообщение Софрончука несколько обескуражило. «Чертовщина какая, – думал он, – или путает что-то баба Надя?» Сдает, видать, старая, а раньше-то – наблюдательная была, не хуже любого профессионала. Очень ее ценили в комендатуре.

Короче говоря, решил Софрончук повернуть дело так, как ему хотелось. Руководствуясь не столько здравым смыслом (хотя и им тоже: какие еще, к лешему, в ЦК посторонние,

да еще в первом подъезде!), сколько желанием насолить слегка Фофанову, выставить его в дурацком свете. Не последнюю роль в этом решении играли и смутные, но упорные слухи о неких тучах, вроде бы сгущавшихся над головой секретаря по идеологии. О-го-го, сколько надо на этой работе всего держать в голове! Это вам не в территориальном управлении мух давить. Опять же сам Ульянов просил «держать его в курсе» и намекнул, что хорошо бы вся эта история рассосалась как-нибудь так, без последствий.

Ну, и пошел Софрончук к Фофанову и, сделав стеклянные глаза и тупую морду, доложил: так, мол, и так, товарищ Секретарь ЦК КПСС, оперативными методами проведена проверка и никакого нарушения режима не выявлено!

Но Софрончук Фофанова недооценил.

– Значит, вы, голубчик, утверждаете, что никакого человека в смокинге в первом подъезде в тот день не было? – ласково сказал Фофанов.

– Так точно, товарищ Секретарь ЦК КПСС! – рявкнул Софрончук, а сам подумал: «Какой я тебе еще голубчик! Надо же, как старшего офицера КГБ называет, да еще при исполнении!»

– А про меня вы что, стало быть, заключаете? Что у меня галлюцинации, или как? – спросил Фофанов и улыбнулся.

– Никак нет!

– А что же тогда?

– Такая задача не ставилась, товарищ Секретарь!

– Как вы говорите? Какая задача «не ставилась»?

– Задача «про вас заключать» не ставилась!

Тут, видно, до Фофанова дошло, что Софрончук над ним издевается. Он побагровел, зашевелил толстыми губами, уставился в стол. А Софрончук смотрел на него весело, наслаждаясь моментом. Наконец Фофанов поднял глаза на Софрончука и заговорил тихо, почти шепотом:

– А у меня, товарищ полковник, другие сведения имеются. Товарищ... э-э... товарищ Буня... да, Буня, тоже видел в подъезде человека в смокинге!

– Так точно, товарищ Секретарь, но это было в другой день!

– А по моим сведениям, именно в тот самый день и было! А вы, как я вижу, небрежно подошли к полученному заданию. И я вам, между прочим, не какой-то там «секретарь», а Секретарь ЦК КПСС. Или вы не понимаете разницы? – Теперь Фофанов смотрел на офицера не мигая и говорил громко, звеня металлом.

Софрончук был ошеломлен. Откуда старпер хренов про Буню-то проведал? Ведь беседа с референтом происходила с глазу на глаз. И Буня хорош тоже, обещал же никому о том разговоре – ни слова! Надо будет ему крылышки при случае подрезать, сукину сыну, за такие дела! Но это все – потом, сейчас надо Фофанова унять. И Софрончук заорал, изо всех сил пуча глаза:

– Виноват, исправлюсь, товарищ Секретарь ЦК КПСС!

– Вы мне тут не кричите. А лучше подумайте о своем положении. Вы ведь фактически пытаетесь – да, да, получается так! – покрыть серьезнейшее нарушение режима. Возможно, речь идет даже о реальной опасности для руководства партии. Я должен еще подумать, посоветоваться с товарищами, не пора ли ставить в известность Генерального.

«Ну, это ты, положим, врешь, хрен старый, ничего ты не пойдешь с такой фигней к Генеральному... но болтать можешь начать где ни попадя... уж скорей бы сняли тебя, что ли...» – тоскливо думал Софрончук, а сам смотрел на Фофанова с неподдельной любовью и преданностью в глазах.

А узнал Фофанов о существовании товарища Буни неординарным образом. Случилось это в тот же достопамятный день, когда состоялось первое явление постороннего. Как только Софрончук с Гришаковым покинули его кабинет, Фофанов пошел в комнату отдыха, снял пиджак и прилег на кожаный диван. Он всегда так поступал, когда происходил «перегрев системы», когда надо было отвлечься от текучки и всяких дурацких сиюминутных проблем, вроде вот этой загадки человека в смокинге. Обычно он лежал, закрыв глаза, диван приятно охлаждал спину сквозь рубашку, и он постепенно впадал в некое подобие легкого транса, когда вдруг думалось очень хорошо и быстро. Конечно, в приемной мог томиться какой-нибудь посетитель, но сегодня среди них не было ни одного настолько уж важного, чтобы нельзя было дать себе несколько минут передышки. Разве что поэт этот... Ничего, ему полезно... Вообще-то в ЦК все обычно расписано по минутам, и «маринуют» в приемных разве что в форс-мажорных обстоятельствах или – изредка – в качестве воспитательного средства. Сам Фофанов такой педагогики не одобрял, но сегодня решил сделать исключение, а заодно урвать несколько минут для сосредоточенного размышления.

Подумать Фофанову было о чем. Последние месяцы – очень трудно было точно определить время, когда это началось – в его положении стало что-то неуловимо меняться. Некие трещинки, едва видимые невооруженным глазом, появились в доселе прочных сводах его вселенной. Главное – это всегда главное! – что-то менялось в отношении к нему Генерального, и Фофанову совсем не нравилось направление этих перемен. Нет, внешне все оставалось прежним – Генеральный всегда и со всеми был суховат, не терпел фамильярности, в отличие от своих предшественников, обращался к подчиненным на «вы». Фофанов и сам никогда никому не тыкал, но именно теперь коллеги обратили на это внимание и стали подозревать в подхалимаже и обезьянничанье. А он что, спрашивается, должен менять свой стиль, чтобы под старых хамов подделываться? Чтобы не выделяться, что ли? Нет уж, извините!

Было время, Фофанову казалось, что в аппарате смирились с его некоторой непохожестью. Все-таки карьера его специфична, он не возглавлял никогда никаких обкомов, не учился в партшколах, он ученый, философ, хранитель священного огня, марксистской догмы. Неужели же ждать от него такой же бессвязной матерной речи, как от какого-нибудь Попова, который вырос без отца, институты не кончал, а русский язык учил в ремесленном и в армии? И еще ВПШ потом, но это вообще не учеба... И, ну да, хорошо, хорошо, техникум он еще закончил какой-то когда-то, среднее специальное, видите ли... Но он-то, Фофанов, он – доктор, профессор, академик, в конце концов! Какого дьявола должен он подстраиваться под Попова и остальных?

Но кто-то Генеральному явно на Фофанова капал. Прибора не существует, чтобы такие вещи измерять, но сухость вроде как стала на миллиграмм суше. Холодность еще на градус холоднее. И, наконец, в последний раз его вообще не позвали на охоту в Завидово! После выходных Фофанов спросил Генерального, как тот провел уикенд. И, получив невнятный ответ, легким, вроде бы шуточным образом осведомился, почему на этот раз его, Фофанова, не пригласили. Генеральный помолчал мрачно, а потом сказал: «Вы же охоту не любите, что толку вас звать». И это была правда: Фофанов старался избегать стрельбы, а если обстоятельства все-таки принуждали его брать в руки карабин, то старался целиться тщательно, чтобы случайно не попасть в какое-нибудь живое существо. Но ведь все все понимали! Генеральный и сам не был страстным любителем охоты, не то что его предшественник. Поездки в Завидово остались неким ритуалом, способом собрать в неофициальной обстановке ближний круг, пообщаться за ужином и за рюмкой (последнее – для желающих, сам Генеральный почти не пил). За столом после охоты обсуждалась тактика и стратегия, определялись важнейшие кадровые решения. Генеральный мог иногда намекнуть на ошибки подчиненных, которых не хотел унижать публичной критикой.

Неужели Фофанова исключили теперь из этого ближнего круга? Или надо воспринимать это *не-приглашение* как своего рода серьезное предупреждение? Но предупреждение о чем? В чем, черт возьми, он провинился? Зря, зря он успокоился, решил, что коллеги смирились с его существованием. Нет, копают под него, мерзавцы, еще как копают! Но кто? Попов? Ну, этот всегда с удовольствием поддержит любую бяку против Фофанова, просто из классовой ненависти, но самостоятельной роли он играть не может. Предсовмина Куколев? Нет, этому не до войн, он стар и болен, ему лишь бы как-нибудь самому продержаться подольше. И секретарю по промышленности и строительству Павлычеву тоже сейчас не время затевать интриги: после того, как его приемный сын сбежал в Женеве, его пребывание в Политбюро под большим вопросом. Павлычева, кстати, давно уже от Завидова отлучили! Но неужто его, Фофанова, теперь приравняли к родственнику изменника Родины? Да за что? Фофанов скрипнул зубами, почувствовал, что злится, тратит напрасно нервные клетки. Значит, нечего дальше валяться. Не получилось воспарить. Жаль, но можно с тем же успехом вернуться на рабочее место и продолжить прием.

Фофанов надел пиджак и галстук, пошел к зеркалу проверить, все ли в порядке. Зеркало это висело так, что сквозь открытую дверь в нем отражалась часть кабинета в районе рабочего стола. И вот именно там Фофанов вдруг заметил какое-то движение. Он был не из пугливых, но тут сердце екнуло. Там ведь никого и ни за что не должно было быть! И почему-то он уже и не удивился, когда, выйдя из комнаты отдыха, увидел человека в смокинге, смирно сидящего на стуле у самого стола. Место это предназначалось для помощников и – изредка! – для посетителей, удостоившихся особо доверительного разговора.

Кричать было бессмысленно – двери в кабинете были практически звуконепроницаемые. Кнопка вызова помощника была вмонтирована в панель стола, но до нее надо еще добежать. Это можно было сделать в два прыжка – за какую-нибудь секунду-полторы, считая и время, требующееся для того, чтобы отпихнуть в сторону кресло и протянуть руку к кнопке. Правда, если человек вооружен, то, конечно, можно и не успеть, особенно если оружие огнестрельное. Но если нет, то шансы справиться с ситуацией были не так уж малы.

Пока Фофанов решался и примеривался, человек в смокинге успел приветственно помахать ему ручкой, приторно, во все смуглое лицо, улыбнуться и показать ему предмет, который он держал в руках – вовсе не блюдо и не поднос, а толстую кожаную папку с надписью золотыми буквами «К докладу». Вот эта папка особенно повлияла на Фофанова, можно сказать, именно из-за нее он и не стал прыгать к кнопке. «Может, это все-таки действительно чей-то референт? Может, его кто-то ко мне прислал, а я забыл... Черт, но почему в смокинге, что за дикость? Да и папка какая-то... бутафорская... Или это все шутка какая-нибудь... хотя какие еще, к чертям, в ЦК шутки...» А незнакомец все кивал и кивал головой ласково, всем своим видом показывая, что его нечего бояться, что он находится здесь с самыми мирными и добрыми намерениями.

Фофанов подошел к столу, сел в свое кресло. Протянул руку к кнопке. Человек заметил его жест, улыбку стерло с его лица, и он вдруг быстро-быстро замотал головой: дескать, не надо, не надо, не делайте этого! Фофанов замер, с пальцем у самой кнопки. Подумал и сказал:

– Слушаю вас.

Человек в смокинге приосанился и, глядя прямо в глаза Фофанову, проникновенно сказал бархатным, «итальянским» голосом:

– Григорий Ильич!

«Странно, – подумал Фофанов, – не товарищ Секретарь ЦК КПСС, и даже не товарищ имярек, а вот так, по имени-отчеству». Сталин такого терпеть не мог, считал фамильярностью, и до сих пор некоторые, ему в подражание, пренебрегают таким нормальным челове-

ческим обращением. Но самому Фофанову оно нравилось, его бы воля, он бы всех в ЦК и Кремле заставил именно так друг к другу обращаться, не чинясь.

– Слушаю вас, – повторил он уже миролюбиво.

Но незнакомец молчал. Молчал как-то многозначительно и торжественно, что ли. «Что это он так сияет? Предполагается, что я его знаю, или что?»

– Мы что, с вами знакомы? – спросил Фофанов.

Человек в смокинге заулыбался еще радостнее и закивал головой.

– Извините, не припомню что-то. Ну, так слушаю вас.

– Григорий Ильич! – еще более проникновенно сказал гость и замолчал снова.

Фофанов вдруг показалось, что незнакомец выглядит несколько иначе, чем тот человек, которого он заметил несколько часов назад в коридоре. Усики какие-то не те, не того, не гитлеровского фасона. Волосы подлиннее. И тот, первый, вроде потучнее был, покорпulentнее. Этот какой-то совсем доходяга. Впрочем, ручаться за то, что перед ним другой человек, Фофанов все же не стал бы. «Не может же быть, чтобы их тут двое таких шастало, в смокингах!» – подумал Фофанов, а вслух сказал:

– Говорите же, пожалуйста, я вас слушаю, а то у меня сегодня напряженный день, приемная – сами видели – полна народу, весь график сбился...

Фофанов поймал себя на том, что будто извиняется перед неизвестным гражданином, хотя какого вообще-то дьявола...

А человек в смокинге улыбался – теперь уже участливо, – но молчал. Фофанов наконец рассердился.

– Нет, так не пойдет, ей-богу, – сказал он и решительно нажал на кнопку вызова помощника.

Посетитель побледнел, вскочил так резко, что опрокинул стул, залепетал жалобно, обиженно, с укоризной в голосе:

– Григорий Ильич, Григорий Ильич!

И бросился к окну.

«Сейчас выпрыгнет, разобьется!» – в ужасе подумал Фофанов. Помощник между тем почему-то все мешкал, не появлялся. Фофанов уже сердито жал и жал на кнопку вызова. У человека в смокинге было достаточно времени, чтобы сколько угодно раз выброситься из окна. Но он этого делать не стал, а взял и вскочил на подоконник. Повернувшись лицом к Фофанову и отчетливо выговаривая каждое слово, он прокричал: «Григорий Ильич! Буня! Буня! Буня!» Потом вдруг развернулся опять на 180 градусов и стал – некрасиво, коряво, неловко – карабкаться по пластинам мореного дуба, покрывавшим стену, куда-то наверх, под лепнину потолка.

– Что, что вы делаете! – вскричал Фофанов и даже вскочил на ноги от изумления, но в этот момент дверь распахнулась и в кабинет вбежал помощник.

– Извините, Григорий Ильич, – говорил он, приближаясь к столу, – этот поэт наш, товарищ Вережко, целый скандал устроил, хотел уйти, некогда ему, видите ли, требовал, чтобы я ему пропуск подписал, я его еле успокоил, а то...

Помощник остановился посреди фразы. Он теперь стоял в каких-нибудь полутора метрах от стола и с изумлением смотрел на опрокинутый стул.

– Григорий Ильич... вы... не... у вас... все нормально – вообще? – бормотал он довольно бессвязно.

– Все хорошо, не беспокойтесь, – отвечал Фофанов, а сам нервно обернулся на окно, на подоконнике которого только что стоял человек в смокинге. Но тот каким-то образом исчез! То есть совсем. Просто и след его простыл. Заготовленная фраза: «Пожалуйста, помогите товарищу, я не понимаю, что ему нужно» – в этой ситуации больше не имела смысла. Фофанов

нов успел только произнести первые два слова – «пожалуйста, помогите», после чего, слава богу, успел остановиться.

– Пожалуйста, помогите, – повторил он, – помогите... стул поднять.

– Ну, конечно, Григорий Ильич! – Помощник бросился поднимать стул, а Фофанов тем временем осмотрелся вокруг как следует – странного посетителя нигде не было видно. «Вернуть Софрончука, попросить обыскать помещение? Нет, только не это!» – подумал Фофанов. Откуда-то к нему пришла иррациональная уверенность – человека в смокинге в кабинете нет.

– Садитесь, Николай Михалыч, – сказал он помощнику, игнорируя вопрос в его глазах. – Скажите, пожалуйста, вы случайно не знаете, что такое Буня?

– Буня? – неуверенно переспросил помощник. – Что-то я... В энциклопедии если посмотреть...

– Ну, хорошо, забудьте об этом...

– Если только не...

– Что – если только не?

– Вообще-то фамилия такая есть – Буня.

– Фамилия? И вы знаете человека с такой фамилией?

– Ну да. Референт товарища Усманова – Буня. Зовут Петро. То есть Петр Иванович.

– Вы хотите сказать, что он у нас в подъезде работает?

– Конечно, Григорий Ильич! Да я его практически каждый день вижу – то в столовой, то в гардеробе, то еще где-нибудь. Отдыхал вот один раз с ним вместе, в пансионате на Клязьме. Жены у нас вроде почти подружились, вот.

Помощник терпеливо отвечал на вопросы, но по его лицу было видно, что он изумлен и не знает, что и думать о происходящем. Сначала опрокинутый стул, теперь непонятный интерес к Буне.

– А сегодня, сегодня товарищ Буня на работе, не знаете?

– Да, я его видел в коридоре. Может быть, попросить его зайти к вам?

«Провоцирует на откровенность. Узнать хочет, зачем мне Буня понадобился», – подумал Фофанов, а вслух сказал:

– Нет, благодарю вас, Николай Михалыч, это все, в общем-то, ерунда, просто я тут услышал это слово в странном контексте, решил полюбопытствовать. Нет, давайте продолжать прием. И еще – будьте любезны, позвоните на Грановского, я хотел бы показаться невропатологу – и чем скорее, тем лучше.

4

Поэт считался скандалистом, забиякой, жутким бабником. Но почему-то при личном общении навевал на Фофанова невероятную скуку. Голос его звучал глухо и монотонно, слова он говорил обычные, предсказуемые. Вот и сейчас ни остроумия особого, ни интеллектуальной дерзости не было заметно. Фофанов поглядывал на него украдкой, пытаясь понять, в чем тут заковыка.

– Бу-бу-бу... условия работы художника... бу-бу-бу... скажу вам честно, вызывает удивление... бу-бу-бу, – говорил поэт.

А Фофанов посматривал не него и думал: ну и где же искрометность, где смелое инакомыслие, где хулиганское обаяние, в конце концов? И некрасивый, в общем-то, что только в нем бабы находят? Им виднее, конечно, но все-таки...

– ...и мне кажется, Григорий Ильич, бу-бу-бу, бу-бу-бу, партия давно уже преодолела... бу-бу-бу, бу-бу-бу... примитивные представления прошлых лет.

«Да, преодолела, жди! – думал Фофанов, и его ужасно тянуло в сон. – Когда-нибудь я не выдержу и скажу ему что-нибудь такое вслух. Вы, батенька, скажу, КПСС с кем-то путаете: у нас тут не общество вспомоществования деятелям искусств. Или – еще того лучше

– жест неприличный сделаю: на-ка, вот, выкуси!» От этой мысли Фофанов развеселился, приветливо улыбнулся поэту и даже выразительно покивал головой в нужном месте.

– Но почему, Григорий Ильич, почему? Скажите хоть вы мне прямо, вы же другой, вы не бюрократ...

– Почему – что?

– Ну, я же говорю, меня во Францию опять не выпустили...

– А вы в этом году там уже бывали?

– Нет, в этом нет.

– А в прошлом?

– В прошлом? Да, бывал...

– Сколько раз?

– Два, кажется...

– А мне кажется – больше... А в этом году в капиталистические страны выезжали?

– Ну, да... выезжал... в Финляндию всего лишь...

– А по-моему, там неплохо, в Финляндии-то... Мне нравится. Дружественная страна, миролюбивая. У вас, кстати, стихи есть неплохие про Финляндию.

Поэт поморщился: дескать, может быть, и так, но это уже пройденный этап, и у меня сейчас другие проблемы.

– Поймите, Григорий Ильич, – сказал он, – мне действительно нужно именно во Францию в связи с выходом там моего нового сборника. А то без меня там все может неправильно повернуться. Даже в антисоветском направлении.

– Ну уж, скажете тоже...

– Да, представьте себе. А так, если я буду там, смогу лично проследить.

– Не зарекайтесь, вспомните, что во Флориде вышло.

– Ну, я же много раз объяснял: там была изощренная провокация, да и сам я еще был неопытным. И вообще, во Франции все гораздо легче.

– А коммунистов местных привлечете? Мы сколько раз вас просили, а вам все недосуг...

– На этот раз схожу, обещаю!

– Ну, положим, положим...

– Я вообще хотел вам сказать, Григорий Ильич, где у поэта кончаются личные и начинаются общественные интересы, это еще большой вопрос. Ведь еще Ленин писал...

«Во нахал, он еще будет мне Ленина цитировать!» – рассердился Фофанов и сказал довольно резко:

– В прошлом году вы, по-моему, раз пять или шесть ездили в капстраны и приравняваемую к ним Югославию... и это не говоря уже о соцстранах... и Ираке. (Фофанов не стал пока говорить поэту, что, по донесению Комитета госбезопасности, тот поменял в Ираке долларовые командировочные по курсу черного рынка на местные динары, а те, в свою очередь, через знакомых, на чеки «Внешпосылторга» по официальному курсу – на полмашины заработал!)

– Да, но... – пытался возражать поэт.

Но Фофанов не дал себя перебить:

– А вы знаете, сколько раз средний советский человек в среднем за границу ездит? За всю свою жизнь? Не знаете? Так я вам скажу: ноль. Ноль раз он за границу ездит. С какими-нибудь там сотыми. А сколько раз, вы думаете, средний советский поэт бывает за рубежом?

Фофанов не сомневался, что среднестатистический поэт за все годы своего брэнного существования пробивается за пределы СССР в несколько раз реже, чем его сегодняшний собеседник – за любой отдельно взятый год. Но все же решил посмотреть более точные данные (секретные, кстати), заранее приготовленные помощником. Спасибо органам, пре-

дупредили, что поэт придет жаловаться на то, что ему зарубили поездку во Францию по приглашению тамошнего книжного издательства. Поэтому Фофанов успел к разговору подготовиться. Но вот дела: привычных тонких корочек под рукой не оказалось, а на их месте громоздилась нелепая толстая папка с золотым тиснением «К докладу».

У Фофанова неприятно екнуло в животе. «Псих в смокинге забыл!» А может быть, вовсе не забыл? Может, это – взрывчатка? Или рицин?

По всем правилам, да и просто по здравому смыслу, надо было вызвать Софрончука или каких-нибудь его коллег. Но так не хотелось этого делать! И Фофанов, недолго думая, раскрыл папку. В ней лежал всего один тоненький листок из чуть ли не рисовой бумаги. И на ней как будто черной тушью была выведена математическая формула:

$$10^{120} \times \Phi(T) \times P(T) < \frac{1}{2}$$

«Бу-бу-бу», – гнул свое поэт, а Фофанов, как замороженный, смотрел на бумагу. Потом он поднял листок, осмотрел его со всех сторон. Потом на свет. Кроме формулы, там ничего не было. И папка, за исключением листка, тоже была пуста. Причем внутренняя ее поверхность была совершенно, девственно чистой, как будто ею никогда до сих пор и не пользовались.

– Как у вас с математикой, Александр Евгеньевич? – довольно бесцеремонно прервал поэта Фофанов. – Сделайте одолжение, взгляните, пожалуйста, не знаете ли, случайно, что означает сия формула?

– Формула? – Вережко был поражен, даже шокирован. Ясно, что ничего подобного он не ожидал. – Но при чем тут... Нет, извините, у меня с математикой и на школьном уровне было неважно, а тут что-то из высшей...

Он совершенно потерялся, замолчал и только улыбался глуповато. Но Фофанов не сомневался: если дать ему теперь опомниться, прийти в себя, он может, пожалуй, и обидеться. Вобьет себе в голову, что над ним издеваются, начнет кричать, махать руками, а потом черт знает что наговорит во всяких других инстанциях. А он ведь и к Генеральному бывает вхож. И в обществе иностранных журналистов болтает безответственно. Поэтому Фофанов извинился, дескать, вы у нас, Александр Евгеньевич, таким эрудитом слывете, что я рискнул к вам обратиться, но вообще-то я слушал вас с большим интересом, и я согласен, что-то надо делать, я постараюсь вам помочь... Фофанов улыбался поэту сладко, а сам думал: «Вот ведь ловок, сукин сын, как себя поставил, всех нас пользуется как хочет! Придется теперь ему поездку пробивать, с конторой ссориться». Это была, конечно, ловушка, причем Фофанов загнал себя в нее сам. Он проклинал ту минуту, когда решил с сукиным сыном возиться, пригласил впервые на ужин к себе на дачу, и особенно – момент, когда уговорил Генерального тоже допустить до себя Вережко. Теперь отречься от поэта значило бы признать свою ошибку, то есть сильно подорвать свой авторитет знатока тонких идеологических игр. Продолжать его поддерживать – тоже занятие утомительное, причем обходится оно все дороже.

Сейчас, впрочем, ему более всего хотелось избавиться от поэта поскорее. Как только он покинул наконец кабинет, Фофанов вызвал помощника. Сначала пришлось для приличия обсудить предстоящий визит в ГДР, а потом удалось очень естественно, как бы совсем между прочим, сказать безразличным тоном:

– Николай Михалыч, тут вот формула эта... хм... ерунда, конечно, но все-таки... не выясните ли при случае, что она означает? – Фофанов подвинул к помощнику папку, и тот немедленно раскрыл ее и уставился на страницу с формулой. – Сделайте одолжение, уважьте мое праздное любопытство... Это, конечно, не срочно, как-нибудь заодно, когда с коллегами будете общаться – из отдела науки.

– Разумеется, Григорий Ильич, все выясню! – отвечал помощник, но смотрел при этом как-то подозрительно... То ли в безразличие тона не поверил, то ли папка чужая, странная и листок непонятный его смущали.

Николай Михайлович, разумеется, решил, что это Вережко вручил Фофанову и папку, и листок с формулой – откуда же еще им было взяться? Абсурд, конечно, зачем, казалось бы, поэту какая-то мутная математика и, тем более, с какой стати обращаться с ней к секретарю ЦК по идеологии? Бред какой-то, но шут этих богемных разберет, к ним ведь логика нормальная неприменима. Так или иначе, Николай Михайлович свято поверил в причастность Вережко к загадке, и его убежденность еще сыграет во всей этой истории странную и довольно важную роль.

Глава 2

Краски волшебницы

1

Тем временем в Рязани у художницы Наташи Шониной наступили совсем скверные времена. Участковый ей попался уродливый и неуверенный в себе, с пухлыми бабьими руками, с прыщами на жирном лице и белесыми глазами навывкате. Но самое противное в нем был его голос – по-женски высокий и какой-то тошнотворно утробный одновременно.

И пальцы у него тоже были короткие и жирные, Наталья старалась на них не смотреть, на эти сардельки недоваренные. Но и участковый поглядывал на Наталью искоса, торопливо отводил глаза, смотрел в пол или куда-то в сторону, в грязноватую обшарпанную стену ее комнаты. Даже когда дожидался ответа на свои подлые вопросы, он все равно не глядел ей в лицо.

– И давно вы уже нигде не работаете? – спрашивал участковый.

– Вы уже этот вопрос задавали, товарищ милиционер, и я на него отвечала.

– Ответьте еще раз, – утробно говорил участковый и смотрел в стену.

«Уж лучше бы вел себя как другие самоуверенные самцы, приставал бы, пытался облапать, – думала Наталья. – Тогда, по крайней мере, можно было бы съездить ему по физиономии как следует. И разговор бы пошел иначе».

– Повторяю, я художник, выпускница Суриковского института, я пишу или, как говорят дилетанты, рисую. Кистью работаю и красками, – говорила она.

– Вы – член Союза художников?

– Нет, я не состою в Союзе.

– Почему?

– Так сложилось.

– И когда вы в последний раз выставляли свои работы?

– Я никогда официально не выставлялась.

– Что значит – официально?

– Ну, я участвовала в двух неформальных выставках...

– Неформальных выставок не бывает. Предполагаю, что это были антисоветские акции, пресеченные органами охраны общественного порядка.

– Какие еще акции, о чем вы говорите? Я политикой вообще не занимаюсь, она мне нисколько не интересна...

Участковый старательно водил дешевой шариковой ручкой по бумаге, записывал что-то, торопился заполнить форму какую-то, что ли... Загонял куда-то ее жизнь, чертил судьбу...

Наталье вдруг пришло в голову, что ей, наверно, никогда не попадался до сих пор столь физически отталкивающий тип. И это вдруг пробудило в ней профессиональное любопытство художника. Вон, Люсьен Фрейд и прочие из той же школы мучаются, приземляя, – как скажут дилетанты, «уродуя» действительность, пытаясь вытащить из предметов и людей некую сущность, лежащую вне банальной эстетики... Вне красивенького. Сдирая верхний слой. А тут все уже содрано, и еще как! Вот какая сердцевина. Нет, это ценить надо!

Теперь она смотрела на милиционера другими глазами. Боже, ей стыдно должно быть! Что за обывательский взгляд: видеть в нем уроды – и только! Смотреть на его пальцы ей, видите ли, противно! А ведь он не просто урод, он – типаж, он – характерный, чертовски интересный... Есть в нем какая-то загадка, что-то он собой представляет, что-то раскрывает,

какой-то, может быть, даже секрет. Если его угадать и еще усилить, подчеркнуть, может открыться еще одно какое-то измерение мира.

Что, если написать его вот таким, сидящим на стуле, а стол, на котором разложены бумаги, убрать, убрать так, чтобы его руки опирались на пустоту. И глаза эти водянистые, рачьи, увеличить, приблизить, устроить крупный план, чтобы видно было, какие они странно бесцветные и пустые. И пусть они смотрят вбок, в ту же пустоту, это же гениально! Такого же не придумаешь. И да, да, эти белые жирные пальцы, ох, какие замечательно жирные! – шевелятся в полумраке, как живые. Как черви. Но главное – это свет, конечно, свет! Свет всегда главное. Надо написать его лицо освещенным с двух сторон разным светом. Чтобы одна половина отдавала бледно-фиолетовым, а вторая – желтизной, может быть? Нет, это слишком было бы прямолинейно! Надо еще подумать, посмотреть, как и что выходит...

Наталья не выдержала, вскочила, обежала вокруг участкового, остановилась между ним и окном, всматриваясь в его лицо... Как всегда в таких случаях, она стала впадать в состояние легкой эйфории, ощущая сладостную дрожь во всем теле, нечто даже похожее на оргазм, казалось ей; впрочем, его она так давно не испытывала, что, может быть, и подзабыла уже, как это бывает, что это такое. Но ей казалось: похоже, похоже, если не на сам оргазм, то на приготовление к нему, последние сладкие моменты перед разрядкой, только без напряжения, без сжатия и судорог, а потому, может быть, и лучше, лучше! Типа: ликование всех внутренних органов сразу. Ликование от сознания, что вот-вот, еще чуть-чуть, и какое-то озарение снизойдет, что-то – словами невыразимое – выразится... И, как всегда бывало в таких случаях, она потеряла контроль над собой, точно какая-то сила несла ее, управляла ею... Невесомость, наверно, так ощущается.

Как часто в злые черные моменты она старалась вспомнить эти дивные ощущения, снова воспроизвести их, пообещать себе, что это опять повторится когда-нибудь и ради этого стоит терпеть все остальное, всю эту кислятину вокруг... и этой мысли, этого воспоминания о чудесном хватало, чтобы уцелеть.

Вынырнув из глубин, она сразу вспомнила, что нужно сделать. Умаслить участкового – вот что.

Наталья постаралась придать лицу умильно-ласковое выражение. У нее это не очень-то получалось, она знала, что совсем не умеет играть и притворяться. Очень презирала себя за этот недостаток; насколько легче, удобнее было бы жить, если бы она могла актерствовать, ну хотя бы как подруга детства Ирка. Или хоть вполчину так! Да хоть на четверть, уже было бы ничего, легче. Ирка часто корила ее, призывала быть похитрей, и Наталья соглашалась с ней, горестно вздыхая.

Вот и сейчас с лаской и умильностью наверняка не очень-то получалось, и улыбка, она догадывалась, была похожа на оскал. Но, может быть, она все-таки передавала некий позитивный сигнал? Так, по крайней мере, ей хотелось надеяться.

– Что с вами? – без малейшего участия, с явной неприязнью спросил участковый. Но вел он себя по-прежнему странно. Быстро взглянул на Наталью и снова отвел глаза в сторону, точно боялся контакта.

– Я хотела сказать...

Милиционер молчал, молчал, но потом все-таки выдавил из себя, не поднимая глаз:

– Да?

– Хотела спросить... Вы не согласитесь... мне позировать?

Участковый вздрогнул. И не просто вздрогнул – это была пугающе сильная судорога. Наталья испугалась: ей показалось, что он сейчас упадет со стула и забьется в приступе падучей. Но милиционер удержался в сидячем положении. Только лицо его стало багроветь. Причем не все, а почему-то только правая, ближняя к свету половина.

«Вот оно, вот оно, – в восторге думала Наталья. – Именно так! Фиолетовый оттенок слева и темно-багровый справа. Ура!»

Взяв себя в руки, сказала вслух:

– Пожалуйста, очень вас прошу, соглашайтесь! Вы – такой интересный типаж!

И тут же сообразила: вот этого, про «типаж», точно не надо было говорить!

И действительно, участковый будто поперхнулся, побагровел еще сильнее, теперь уже всем лицом. И снова обрел утерянный на несколько секунд дар речи.

– Ну, знаете... это вообще уже – ни в какие ворота...

Он бормотал еще что-то, кажется, более резкое и осуждающее. Дрожащими толстыми руками он принялся бестолково собирать свои бумаги в кучу, но они никак не собирались. Казалось, что сейчас он заплачет, все бросит и убежит. Но все-таки в итоге сумел как-то запихнуть свои листочки в портфель.

– Куда же вы? Не надо так нервничать... я ничего обидного... наоборот...

– Безобразие... хулиганство... это вам даром не пройдет...

Участковый бормотал еще что-то сердитое, обиженное, но Наташа уже не могла разоб-
брать, что.

Он уже почти скрылся за дверью, когда Наталье вдруг пришло в голову – может быть, он боится...

И она крикнула ему вслед:

– Можно не голым... Раздеваться не обязательно... хотя с другой стороны... было бы хорошо... совсем великолепно... ой, что я несу... эй слышите? Не обязательно раздеваться, можно и в одежде.

Но он уже был далеко, уже спускался по лестнице, ушел, может, и не услышав этой последней фразы...

Наташа присела к столу, на тот самый стул, на котором только что сидел участковый. Как будто хотела ощутить его тепло, чтобы еще больше проникнуться образом. Погоревала: неужели ничего не выйдет? Неужели отказаться от такого великолепного замысла, от озарения отказаться? Нет, коммунары так просто не сдаются! (Где она слыхала про этих коммунаров? В школе, кажется.) Надо что-то предпринять. Но что? И тут заметила, что участковый забыл какую-то бумажку на столе. Взяла ее машинально в руку, повертела. Раскрыла. В полумраке читать было трудно. Наташа встала, включила торшер, поднесла поближе к свету. И остолбенела.

2

А потом явилась тетка. Как всегда, вела себя по-хозяйски, возилась на кухне, заглядывала в холодильник. Ворчала, что там опять пусто. «На одежду-то у тебя всегда всего хватает, и денег, и времени. А жрать нечего – так это ей наплевать. Все бы ей форсить, а о желудке пусть тетка заботится. Эгоистка ты!» – ворчала тетка.

«Я – эгоистка?» – удивлялась Наташа.

«А кто же ты еще?»

Это была правда, что Наташа заботилась о своей внешности. Как художник, она не могла допустить небрежности в том облике, что видела в зеркалах. В конце концов, это тоже была картина, которую она писала каждый день. В картине этой мог быть гротеск, умышленное преувеличение, гипербола, даже сюжет бедности. Чего не могло там быть, так это случайности, недоделанности, халтуры. Главное – это осмысленность стиля.

А потому, проявляя чудеса изобретательности и находчивости, Наташа создавала свои стильные наряды из обломков прошлых жизней – своей и чужих. Юбку из старой шторы. Кожаный жилет из купленной на толкучке древней, заношенной до дыр мужской куртки. Всякие перешивы прежних платьев и костюмов, которые уже не могли существовать дальше в своей изначальной инкарнации, это само собой. Вот и сейчас на ней были дерзкие, плотно

облегающие кремовые бриджи, начинавшие жизнь как брюки во времена Наташиной юности, а теперь вдобавок еще отороченные кожей – остатками, ошметками от той самой куртки, пошедшей на жилет. И поверх, навывпуск – темно-синяя рубашка, изготовленная, перекроенная самым радикальным образом из того, что когда-то было любимой блузкой Наташиной мамы, Веры Алексеевны. В целом получалось нечто невероятно экзотическое, стилизация подо что-то американское, плантаторское. Легко было вообразить гибкую Наташину фигуру верхом на вороном или – еще лучше! – белом арабском скакуне, со стеклом в руке, пригнувшуюся к шее коня, несущуюся сквозь прерии... Золотая грива белой лошади, а над ней – синее пятно рубашки и копна густых, иссиня-черных волос...

Но в реальности не было ни коня, ни стека, ни прерий, а лишь маленькая однокомнатная квартира с совмещенным санузелом и крохотной кухней – предел мечтаний всех одиноких женщин (да и некоторых мужчин) города Рязани. И тут еще тетя Клава, крупная, корпулентная женщина, от присутствия которой в квартире сразу становилось тесно.

Фигура у тетки была странноватая – расширявшаяся сверху. Обычно женщины раздавались в районе таза и талии. А с теткой получилось наоборот. Наташа давно хотела ее написать, но все никак не решалась, расстроится еще, увидев себя такой, какой ее видит Наташа. Не хотелось ее огорчать, неловко было, как-никак единственная оставшаяся в мире родня. Сестра отца, хоть и сводная. Но любила тетя Клава брата страстно, а когда брат умер, то любовь перешла и на Наташу – за неимением мужа, детей и даже домашних животных. И тиранила ее тетка соответственно, как полагается, прямо пропорционально любви.

А еще у нее был острый торчащий нос.

«Посмотри на себя, – говорила остроносая тетка, – как ты одета? Разве мыслимо в таком виде расхаживать? Хорошо, если никто, кроме меня, не зайдет, а если люди забредут посторонние? Или вдруг тебе идти придется куда-нибудь в приличное место?»

Наташа смеялась в ответ.

– Приходил тут сейчас один, все глаза отводил. Действительно, наверно, наряда моего испугался...

– Что? Кто приходил? Ухажер опять какой-нибудь, черт бы их побрал совсем?

– Участковый...

– Как, опять? Что, и этот глаз положил?

– Да ну тебя, тетя... Как будто нет никаких других причин, чтобы со мной общаться...

– А это еще что такое? – тетка заметила на столе аккуратно сложенную бумажку – ту самую, что забыл здесь участковый.

Наташа попыталась было выхватить бумажку из-под носа у тетки – но куда там, она была по-прежнему быстра и проворна.

– Почему ты не хочешь, чтобы я это увидела? Что еще за секреты у тебя такие? – говорила тетка, надевая очки и поднося бумагу поближе к свету. – Ерунда, наверно, какая-ни...

Наташа села в уголок и даже отвернулась от тетки, до того не хотелось ей наблюдать, как та будет расстраиваться и переживать. Но главной эмоцией, охватившей тетю Клаву, был гнев, даже ярость.

– Какие сволочи! – вскричала она, потрясая бумажкой над головой. – Они же сами не дают тебе никуда на работу устроиться, и потом еще глумятся!

– Да нет, тетя, не так все просто...

– Не просто? Сложно, да? Не дала ты гаду участковому, вот все сразу и осложнилось...

– Да это я... предыдущему... как ты выражаешься, не дала... А это у меня теперь новый... Старый с горя, чтобы меня больше не видеть, в райцентр перевелся...

– А новому – дашь?

– А новый и не претендует... он, кажется, не по этой части...

– Свят, свят, свят... Этого еще только не хватало... Педераст, что ли?

Это слово звучало так странно в устах тети Клавы, что Наташа засмеялась...

– Чего смеешься? – ворчливо сказала тетка. – Слово нормальное, литературное...

– Да нет, мне кажется, он не гомосексуалист. Не голубой он...

– А какой? Розовый?

– Ну, я не знаю...

– Кто бы он ни был, а гад он последний, вот он кто!

– Ну почему сразу гад? Человек работу свою делает... Правила у них такие, он-то чем виноват? Вообще, он, знаешь, такой тип интересный...

– Что ты такое говоришь? Какой еще интересный? Он что, тебя... взволновал? В кои-то веки ей кто-то понравился, так и то милиционер! Участковый причем! Да еще педераст!

– Ну что ты, тетя, заладила, передаст – не передаст... Ты у нас гомофоб, ей-богу... Но дело не в этом... Он мне... Не то чтобы понравился... Вернее, не в этом смысле... просто фактура такая, любопытная... Очень его писать хочется...

– С ума ты сошла совсем! Он тебя выселить из города, из квартиры собрался, крыши над головой, кровопивец, лишить хочет, а ты его рисовать собралась? Может, ты его еще позировать попросишь? – И тетка сардонически расхохоталась.

Наташа покраснела – она чувствовала себя дурой. Но решила признаться.

– Да я уже это сделала...

– Что? Что ты сделала?

– Ну это... попросила его позировать.

Теперь тетка уже не смеялась. Вдруг понизила голос, сказала полупшепотом:

– Ты шутишь...

– Да нет, правда.

– И он тебя не арестовал?

– Да нет, вовсе нет! Как тебе могло такое в голову прийти? Он... сбежал почему-то.

И тут тетка перекрестилась, что случилось с ней крайне редко, поскольку они с племянницей тщательно избегали религиозных тем.

– И что теперь ты будешь делать? – по-прежнему полупшепотом почему-то спросила тетка.

– Не знаю... может быть, пойти к начальнику отделения?

– Вот это правильно! – обрадовалась тетка. – Может, нормальный человек попадется? Попроси его, упали в ножки, умоли, скажи, дайте еще шанс, не выселяйте! А я найду работу, найду.

3

Наталья сидела на диванчике перед дверью кабинета начальника 31-го отделения милиции и изучала носки своих старых, но до фантастического блеска начищенных ботинок а-ля двадцатые годы. И думала, что, если их написать? Крупным планом, чтобы все остальное – милиционеры с розовыми и посетители с белесыми лицами, дерматиновые черные двери кабинетов сливались в бледный фон, и только носки ботинок сияли, излучая космическое ослепительное сияние? Нет, в этом точно что-то есть. Обязательно надо будет сделать такую картину, но только после портрета участкового!

Тут Наташа вспомнила о цели своего пребывания в таком странном месте. Каков-то окажется начальник отделения? Весь ее опыт общения с самыми разными начальниками не предвещал ничего хорошего. Ей, Наталье, совсем с ними не везло. Просто роковая какая-то проблема жизни.

Схема получалась каждый раз одна и та же – даже как-то скучно, как будто кто-то написал сценарий, раз и навсегда. Приходила Наташа служить в какую-нибудь контору – самой мелкой сошкой, секретаршей, делопроизводительницей или вроде того. И поначалу все вроде устраивалось неплохо. Работник она была старательный, внимательный, грамот-

ный, к тому же и почерк у нее был фантастически красивый – для любой конторы просто клад. Держалась скромно, излучала доброжелательность и улыбки. Казалось, чего еще надо?

Ну, то есть улыбки расточались до поры до времени, потом они иссякали, поскольку достаточно быстро наступал момент, когда она удостаивалась внимания начальника конторы. Он принимался вызывать ее к себе, а то и сам брал привычку вертеться вокруг ее стола под разными предлогами. После чего ее начинали ненавидеть почти все коллеги женского пола, а таковых всегда было большинство. Норовили подстроить всякие гадости. И никакие улыбки и даже преувеличенные жесты дружелюбия и уважения к товаркам не помогали. Между тем через неделю-другую, максимум через месяц следовало начальственное приглашение в ресторан. А то и сразу домой, как правило, на чашку дефицитного растворимого кофе. И по неизменному совпадению – всегда в момент отсутствия в доме жены и прочих домочадцев.

Вот тут-то улыбкам и приходил конец. Наталья пробовала разные варианты поведения. Например, принимала приглашение в ресторан. Или не принимала. То представляла тургеневской недотрогой – что у нее получалось довольно органично. То пыталась изображать кокетливую, но недоступную куртизанку или гурию, а может, и фурию – она точно не была уверена в термине. Так или иначе, а эта роль выходила у нее куда хуже, она ее быстро проваливала. Ирка ее обучала, показывала жесты и походку стервы, даже улыбку и поворот головы. Наташа и перед зеркалом репетировала – проку было мало.

В любом случае все всегда заканчивалось одним и тем же. Жесткой дилеммой: уступить настойчивым ухаживаниям или нет? Конечно, уступать не хотелось, но коли уж на то дело пошло, если заело, если так бедняга заиклился, помешался, если не может нормально ни работать, ни жить, ни руководить, и проходу Наталье совсем не дает, так может, проще все-таки уступить? Ирка говорила: конечно, тебя не убудет. Наталья советовалась и с теткой. Та поначалу возмущалась, говорила: да пошли ты его на три буквы! Но постепенно, по мере того, как ситуация обострялась, то и тетка задумывалась. А может...

«Дай ты ему, в конце-то концов!» – однажды не выдержала она. Речь шла о начальнике архивного отдела городского управления здравоохранения. Главный архивист донимал к тому моменту Наташу уже несколько недель, брал измором, скандализируя весь отдел.

И вот тут-то и выяснилось, что дать – это мало. Это само по себе ничего не решает. Потому что начальникам нужно не просто мясо в мясо засунуть и тем мясом покрутить и потрясти. Процедура эта была не слишком приятна, но переносима – у зубного врача хуже. Тоже залезают тебе вовнутрь, в почти столь же чувствительную часть организма. И залезают не теплым мясом, а железякой, но тоже вертят-крутят, при этом еще часто и больно делают. И впускать его в себя – страшно, потому что ждешь сильной боли все время. Нет уж, лучше мясом в мясо.

Но вот в чем главная проблема: им недостаточно этого, начальникам, им любви подавай. Или, по крайней мере, могучей физиологической страсти. Им нужны проявления: крики, вопли и что-то типа трясучей. Иначе, объяснил ей начальник архивного отдела, ощущение такое, будто занимаешься онанизмом. И вообще как-то оскорбительно даже.

– Ты что, оргазма симитировать не можешь? – удивлялась Ирка. – Я вообще регулярно этим занимаюсь, и с мужем и с любовником. Только этим и спасаюсь.

Тетка тоже хотела что-то сказать по этому поводу, и даже открыла было рот, но тут же его и закрыла. Сообразила, видимо, что квалификации в этом конкретном вопросе у нее недостаточно. Редкую скромность продемонстрировала. Но решила взять реванш и выступила с революционным предложением, которое потрясло присутствовавших.

– Тебе, Наталья, – сказала тетка торжественно, – надо найти покровителя.

Последовала пауза. Первой пришла в себя Ирка.

– В каком смысле – покровителя? – спросила она.

– Ну, все равно ведь ясно, что надо кому-то давать. Так уж, видно, устроен этот поганый мир. А раз так, то лучше уж найти кого-то одного, но сильного, влиятельного, который разогнал бы остальных, не давал бы в обиду. Ну и помогал бы понемногу: не деньгами, а имею в виду, а содействием. Блатного типа.

– Тетя, ну что ты несешь, извини за грубость, – вскипела Наташа. – Какого еще типа? Кого и где я буду искать? Я, конечно, женщина без предрассудков, но как шлюха – жалкий дилетант!

– Ничего, я тебе все объясню, – торжественно объявила тетя. И вдруг покраснела. До нее дошло, в какой области она ненароком объявила себя экспертом.

А Наталья и Ирка прыснули, не сговариваясь.

Тетка была тем еще теоретиком. Но все произошло само собой, без всяких тактических уловок и теоретических разработок.

Наталя, жившая в то время в одной комнате с теткой в коммунальной квартире, обивала пороги в облисполкоме, нагло прося выделить ей жилплощадь как художнику. Женщины-начальницы немедленно и злорадно ей отказывали, стараясь при этом как-нибудь непременно унижить, втереть ей соль в раны. Напомнить, кто она вообще есть такая для советской власти. Мужчины тоже помочь не могли, но быстро сворачивали на тему похода в злачное заведение или на чашку кофе домой. Ирка советовала ходить: и в рестораны, и домой тоже, а там уже импровизировать. Но тетка рассуждала так: что отдаваться этим мелким сошкам – только время терять. Наталя же посмеивалась за теткой спиной: уж больно та в азарт вошла, точно восполняла то, чего совсем не имела в молодости. Да и не в молодости – тоже. Никогда, честно говоря, ничего она не имела. Но была не совсем лишена воображения и, возможно, о чем-то таком грезилась по ночам. А теперь вот ставила себя на Наташино место, и щеки у нее возбужденно горели. «Надо добраться до большого туза и бить наверняка!» – восклицала она.

И вот настал момент решающего удара. А случилось вот что: Наталя сидела в очереди к очередной шишке, когда в приемную вдруг заглянул некто высокий, барственный, в ондатровой шапке. Окинув очередь скучающим взглядом, он вдруг споткнулся на Наталье. Смотрел на нее в упор пару секунд, а потом исчез. Но минут через пять появился снова, уже без пальто и шапки, в импортном костюме, с широким галстуком, повязанным крупным узлом. По-хозяйски, вальяжно зашел в кабинет, что-то там гаркнул, распорядился – в ответ слышалась быстрая россыпь подбострастных звуков. Вышел, остановился на секунду перед Натальей, хотел, кажется, заговорить, но не решился. Но когда подошла Наташина очередь и она, добравшись до заветного кабинета и усевшись на жесткий стул перед присутственным столом, принялась заученно излагать свою просьбу, дверь распахнулась, и снова вошел давешний ондатровый барин. Хозяин кабинета тут же утратил ауру важности, вскочил. Залепетал что-то. Но тот остановил его царственным жестом. Сказал:

– Я вот еще что хотел попросить вас сегодня сделать, Иван Сергеевич...

Потом прервался, как будто заметил Наталью.

– А... извините... у вас тут прием еще не закончен...

– Заканчиваю, Константин Михайлович, уже почти закончил... Вот с этой гражданкой уже завершили... вопрос ясный...

– Как это: завершили? – обиделась Наташа. – Как это – ясный? Да я даже договорить не успела!

– А в чем ваш вопрос, позвольте поинтересоваться? – сказал Константин Михайлович, обращаясь к Наташе.

Она принялась излагать свою немыслимую просьбу: нужна отдельная жилплощадь, поскольку она – художник, выпускник Суриковского института. Вновь пришедший слушал

ее внимательно, а с ним вместе разительно переменялся и хозяин кабинета. Теперь он смотрел на Наташу ласково, обходительно...

– У вас случай нестандартный... художникам, я считаю, надо помогать... но с жильем у нас сейчас есть некоторые проблемы, – сказал бархатым голосом большой чин. – Может быть, запишетесь ко мне на прием? Я попрошу секретаря пропустить вас на будущей неделе. Обсудим вашу ситуацию.

Константин Михайлович Корчев оказался человеком в высшей степени солидным – заместителем председателя облисполкома. Причем не абы каким, а курирующим самые острые, самые волнующие трудящихся вопросы – распределение жилплощади, а также всякие другие насущные бытовые дела. Он решал, например, как делить места в детских садах и санаториях, которых на всех, ясное дело, не хватало.

События развивались стремительно, обсуждение Наташиной «ситуации» затянулось до позднего вечера, плавно перешло в кофепитие на дому, благо семья Константина Михайловича в пятничный вечер уже отбыла на дачу.

И действительно, как и предсказывала тетка, на некоторое время Наташа обрела покровителя. Покровителя не слишком требовательного в вопросах любви – он даже сексом занимался солидно, неторопливо и с чувством собственного достоинства. Казалось, его вполне устраивали несколько ласковых слов и жестов, никаких множественных оргазмов до изнеможения он не требовал. Кроме того, встречи были крайне редкими, пару раз в месяц, не больше, но результативными. Главным результатом была та самая однокомнатная квартира, которая чудом вдруг досталась Наташе. Впервые обрела она свою собственную отдельную жилплощадь.

Но кончилось все быстро и плохо.

Во время четвертого всего лишь свидания неожиданно объявилась супруга Константина Михайловича, Любовь Максимовна Корчева. Крупная оказалась женщина и шумная, от ее крика тряслись окна, и двери почти слетали с петель. Никогда еще Наташа не видела такого испуганного мужчины, как товарищ Корчев. Всю солидность с руководителя будто сдуло. Сам он скукожился, маленький стал, жалкий... С трудом удалось избежать физических форм возмездия. Вообще – унижительное довольно оказалось дело.

Но квартира осталась за Наташей. По крайней мере, до появления на горизонте нового участкового.

Получался жуткий замкнутый и порочный круг. После скандала с Константином Михайловичем Наташу заставили уволиться с работы. И, похоже, внесли в какой-то черный список. Никуда ее не брали теперь. Даже сторожихой. Даже дворничихой – а дошла с горя и до этого. А раз человек нигде не числится, значит, по закону он – тунеядец. За такое преступление могут даже за решетку посадить, и уж, по крайней мере, выселить из областного центра. Чем, собственно, участковый и собрался заняться.

Даже форму уже соответствующую заполнил. Да вот беда: забыл ее у Наташи на столе.

4

Наташа глубоко погрузилась в свои безрадостные размышления, как вдруг ее вытащил на поверхность знакомый утробный фальцет. «Гражданка Шонина? Что вы здесь делаете?»

Участковый стоял прямо перед ней и смотрел в носки ее ботинок. Наташе это понравилось.

– Красиво, правда? – спросила она заговорщицки.

Участковый помолчал, потом вымолвил, по-прежнему не глядя ей в лицо:

– О чем вы?

Наташа даже рассердилась слегка:

– О ботинках моих, о чем же еще?

Милиционер побагровел.

– Опять издеваетесь?

– Я? Издеваюсь? Да вовсе нет! С чего вы взяли?

– Издевайтесь, издевайтесь, посмотрим, кто смеяться в итоге будет... Я не такой дурак: понимаю кое-что... А я вас спрашиваю: зачем вы сюда явились?

– Хочу увидеть товарища Баюшкина А. Г. – так, кажется, вашего начальника отделения зовут?

– Товарищ Баюшкин вас принять не сможет.

– Это еще почему?

– Он очень занят.

– Что же мне делать?

– Он уполномочил меня вас выслушать.

Наталия расхохоталась.

– Нет, так не пойдет! Мне, может, пожаловаться надо.

– Пожаловаться? Пожаловаться, видите ли! На кого это?

– Ну, на вас, конечно, на кого же еще?

Участковый еще сильнее побагровел, до свекольного цвета. «О, о! Какой оттенок!» – восхищенно думала Наташа.

– Жалобы направляются на имя начальника отделения в письменном виде, – сказал милиционер, и видно было, как он был счастлив, что существует такая вот четкая, чеканная формула.

– Ну нет! Мне ему кое-что предъявить надо!

– Что же именно?

Наташа извлекла из сумочки давешнюю роковую бумагу и показала ее издалека участковому.

– Вот: то, что вы забыли у меня на столе.

Участковый лихорадочно полез к себе в портфель, стал рыться в нем. И вдруг поднял на Наталию свои пустые белесые глаза. «Ах, какие глазки необычные – страсть вообще господня!» – думала Наталия. Но восхищение не помешало ей проявить быстроту реакции, когда милиционер попытался одним резким движением вырвать у нее из рук бумагу.

– Отдайте!

– И не подумаю!

Наташа ловко упрятала документ в разрез платья – в лифчик.

– Вы это у меня украли!

– Ничего подобного!

– Отдайте, хуже будет!

– Так я и пришла сюда, чтобы вернуть эту бумажку. Но только не вам, а начальнику отделения. Пусть посмотрит, какие документы его подчиненные разбрасывают где ни попадя. А ведь там гриф «секретно», между прочим! Не какое-нибудь хилое «для служебного пользования», хотя и к таким бумагам нельзя относиться халатно. Но уж «секретно»! Это же просто служебное преступление! А если бы этот документ попал в руки врага! А? То-то же! Хорошо, я гражданка сознательная...

Участковый вдруг рухнул рядом с Наташей на диван. Прошептал:

– Прошу вас, отдайте...

В белесых глазах впервые появилось выражение – страха, боли. Наташе стало его жалко. Но надо было довести дело до конца. Она сказала:

– Отдать?

– Да, да! Отдайте, прошу вас!

Наталия сидела и изображала мучительное размышление. Подумала: наверняка опять у меня плохо получается притворяться. Сказала задумчиво:

– Может, и вправду отдать? Или нет? Не знаю...

– Пожалуйста, прошу вас, отдайте!

У участкового от волнения получилось: пжошу вас!

«Еще немного, и он встанет на колени, а уж это точно ни к чему», – подумала Наталья, а вслух спросила:

– Вы ведь недавно в милиции?

Участковый закивал головой: да, да, недавно, пожалейте молодого, зеленого!

И вот тут-то Наталья и нанесла свой коварный удар. Поднесла руку к груди, вроде бы все еще раздумывая. Остановилась. Сказала, как бы между прочим:

– А позировать согласитесь?

Участковый оцепенел.

«Зря я это, – думала Наташа, – его сейчас кондратий хватит!»

И действительно, участковый вдруг завыл, издал какой-то то ли плач, то ли стон затравленного зверя.

Наталья испугалась и хотела было отдать, к черту, злополучную бумагу, но тут дверь распахнулась, и в приемную выглянул важный седой мужчина с полковничьими звездами на крутых плечах. Без пояснений ясно было, что это товарищ Баюшкин А. Г.

– Что тут еще такое? Кошку, что ли, мучают? Обнаглели...

Его взгляд упал сначала на участкового, и ясно было: тому несдобровать. Потом он повернулся к Наталье, начал было что-то говорить резкое и грубое:

– Кто тут выпендр...

Запнулся. По инерции что-то еще пытался произносить. Какие-то звуки издавать.

– Гры... Бры... Ну в общем...

Взгляд товарища Баюшкина стал масляным, а голос – бархатным.

– Вы... по какому вопросу, гражданка?

– Да вот, хотела на вашего участкового, товарища Мыскина, Алексея Павловича пожаловаться.

– Что такое? – В голосе начальника вновь зазвучал гром. – Мы с ним тут разберемся! В чем дело, сержант? Как вы работаете с населением? Без году неделю в органах внутренних дел, а уже позорите нас?

Участкового больше всего напугало, что начальник отделения впервые обратился к нему на «вы» – это было по-настоящему страшно.

– Я... она... а тут... но как? – лепетал участковый.

– Зайдите ко мне и изложите суть вашей жалобы, – сказал Наташе ласково полковник.

Наташе в кабинет идти не хотелось. Совсем не хотелось. Но делать нечего, заставила себя встать, пошла. Но на пороге остановилась. Сказала:

– Главная проблема, товарищ полковник, что он мне позировать отказывается.

– Позировать? Отказывается? – Видно было, что Баюшкин ничего не понимает.

– Ну да... я же художник... Суриковский заканчивала... а тут тип такой интересный, обязательно надо его написать...

– Написать? Типа?

– Ну скажите ему, товарищ полковник, очень вас прошу...

Полковник Баюшкин задержался на секунду на пороге кабинета, рывкнул:

– Ты знаешь что, Мыскин, ты вообще не выеживайся... Трудно тебе, что ли? Просит тебя товарищ художница того... попозировать слегка... для народного искусства... Сам понимаешь: приказывать тебе я в этом вопросе не могу. Но мой тебе совет: будь проще, и население к тебе потянется.

– Есть, товарищ полковник...

– То-то... и не надо голоса этого замогильного...

Баюшкин почти уже закрыл за собой дверь, когда участковый отчаянно крикнул ему вслед:

– Только можно не голым, товарищ полковник...

Начальник заглянул в кабинет, где его ждала Наталья, спросил:

– Можно не голым?

– Ну, конечно, можно, – отвечала Наталья.

– Можно, – милостиво сообщил участковому полковник Баюшкин.

Участковый облегченно вздохнул – так громко, что даже Наташе в кабинете было слышно.

5

Семь лет, семь месяцев и семь дней – такая вот мистическая цифра, такое странное совпадение – продолжался в жизни Натальи Шониной период черного забытья. Она ничего не помнила о том, что происходило с ней в то время – ни одного лица, ни имени, ни места. Где она была, что делала – только серый клубящийся дым в памяти – ничего больше. «Вы не помните, потому что не хотите помнить», – говорил ей врач с удивительной фамилией Еропкин. Но она только пожимала плечами – неважно, почему. Итог – нет в голове записи, нет воспоминаний, пропущенное, закрытое от нее время. Другое дело, что она не очень-то и старалась пробиться сквозь пелену. А зачем? Ведь ясно, что ничего хорошего ее там не ждало. Судя по всему, она провалилась все это время в психиатрических клиниках и исследовательских центрах, где ее мучили жуткими препаратами и электрошоком.

Еропкин говорил, что это было признано чудом, феноменальным исключением из правил, – тот факт, что Наталья оправилась, выздоровела или почти выздоровела. Другого такого случая отечественная наука не знала. За рубежом – в Румынии, в Уругвае, еще где-то было отмечено нечто похожее, а в СССР – нет. Про нее писали в специальных журналах. Хотели на конференции всякие возить, показывать как диво дивное, исследовать ее, залезать ей в мозг, но Еропкин воспротивился, написал в министерство и в Академию медицинских наук, что это может нанести невосполнимый вред здоровью пациента. Отстали, слава богу, угомонились.

Тот черный провал разделил Наташину жизнь пополам: в первой, до 23 лет, половине она была веселым, беззаботным ребенком. И даже став студенткой-отличницей Суриковского института, она все равно оставалась счастливейшим из детей. А потом – провал.

Что-то с ней произошло, какая-то личная драма или даже трагедия. Доктор Еропкин категорически отказывался обсуждать с ней произошедшее. Прямо сказал ей: если вы вспомните, то все может повториться. Опять рухнете туда же, в ту же пропасть, и во второй раз уж точно не выберетесь.

А потом с самим доктором случился инсульт. Его разбил паралич, и родственники сдали его в какой-то инвалидный дом; с тех пор медицина оставила Наталью в покое, наедине с собой.

Так что оставалось только строить предположения. По некоторым косвенным признакам Наталья догадывалась, что тогда, в 23 года, случилась с ней какая-то внезапная болезнь, возможно, беременность, как-то жутко прерванная. Или что-то в этом роде. Что-то такое произошло, что вызвало нервный срыв. Нет, не срыв даже, а потрясение, землетрясение, коллапс вселенной, падение в ту черную бездну, из которой она вынырнула каким-то чудом и, в общем-то, не до конца понятно, зачем.

Ведь выздоровление было относительным. Жить было нерадостно. Тускло было жить.

Из-за этой тусклости она совершенно сдвинулась на цвете. Это было единственное, что ее волновало: как свет раскладывается на составляющие. На цвета. На тысячи, миллионы оттенков. Вот они ее волновали. Какая-то великая тайна ей в них чудилась. И она искала ответ упорно и яростно, но никак не находила. Но в поиске был азарт.

Все остальное особого значения не имело. Наташа будто смотрела фильм о своей жизни: сидела где-то в кресле и наблюдала с не слишком большой степенью заинтересованности за развитием скучного сюжета и поворотами жизни героев. Посмотришь, посмотришь, а потом зевнешь и выключишь телевизор. Так, ничего себе фильмец. Смотреть можно. А можно и не смотреть.

До черного обвала она жила в Москве. Еропкин не советовал туда возвращаться, по его рекомендации она отправилась жить в город своего детства – в Рязань. Там обнаружилась одинокая тетка, которая сильно обрадовалась такому подарку судьбы. Племянница оказалась странноватой, даже не совсем нормальной, но это было даже лучше, больше еще оснований было проявлять заботу, руководить ею, командовать, спасать.

Откуда-то прибилась еще и одноклассница Ирка, дипломированная парикмахерша, с которой общего было совсем мало – ни про Тинторетто, ни про Питера Брейгеля-старшего, ни про Сезанна она слыхом не слыхивала. Но какая разница? Наташе было все равно. С Иркой было легко. Нетрудно угадать, когда надо засмеяться, а когда нахмуриться. А делать это надо было впопад – чтобы не приставали.

Но к самой Наташе приставали, и еще как – мужчины. Ирония, нет, даже издевательство судьбы заключалось в том, что болезнь, судя по всему, имела странное, необъяснимое последствие – Наташа стала чудовищно привлекательна для мужчин, особенно для уверенных в себе альфа-самцов. Неуверенные просто терялись в ее присутствии, конфузились, хотели провалиться сквозь землю, чуть ли не суицидальные мысли у них возникали. А уверенные мачо теряли голову через несколько минут, а то и секунд. И шли на штурм, не считаясь с последствиями.

Все это было крайне, чрезвычайно утомительно и однообразно. Ведь другим следствием болезни стало полное затухание либидо. Тем не менее мужское внимание поначалу вроде забавляло слегка, но очень скоро надоело – просто осточертело, если называть вещи своими именами.

Тетка любила вечером под чашечку горячего чая посмотреть семейный фотоальбом, где полно было Наташиных детских и юношеских фотографий, родители ее обожали, просто культ в семье был, а потому и снимали, щелкали «ФЭДом» то и дело, не могли наглядеться на свою тростиночку-кровиночку. А она действительно была как тростиночка: хороша, очаровательна и была не лишена привлекательности и в шесть лет, и даже в угловатом подростковом возрасте. Но тонка была, несколько даже эфемерна, воздушна. Ноги были тоненькие, как палочки. С возрастом и, возможно, под влиянием жестокого гормонального лечения, Наташа явно прибавила в весе, щечки округлились, ноги и бедра, избавившись от болезненной худобы, раздались до оптимальных, классических параметров, появилась изящная грудь, а ведь соперницы в юности дразнили «плоскодонкой». В общем, Наталья вдруг обрела фигуру модели-манекенщицы. И походка изменилась, и жесты, в них появилась та бессознательная грация лани, которая и сама по себе завораживает мужчину. Но помимо всего этого: симметрии смуглого лица, больших миндалевидных зеленовато-карих глаз, – помимо всего этого объективно существующего, появилось в Наташе и еще какое-то неопишуемое словами энергетическое излучение, сражавшее наповал. Был у нее какой-то взгляд вполоборота, в котором она совершенно не отдавала себе отчета – с чуть поднятыми, как будто удивленно, тонкими бровями, с грустной полуулыбкой. Какую-то секунду всего он и длился, но тому, кто его видел хоть раз, забыть его было невозможно – ни умному, ни глупому, ни альтруисту, ни сволочи последней. Никому.

Обретя такую магическую силу, сама Наташа утратила к противоположному полу всяческий интерес. Никаких проявлений влечения, ни сознательного, ни подсознательного. Они ей были в лучшем случае безразличны, а то и противны.

«Бодливой корове бог рога не дал... а небодливой дал – да они ей ни к чему, – говорила, вздыхая, тетюшка. Ей вроде бы и нравилось, что Наташа может мстить за всех женщин «кобелям поганым» (видно, были у тетки свои к ним счеты в жизни), но потом она по этому же поводу стала расстраиваться. Ведь все хорошо в меру. Все-таки надо как-то свою жизнь устраивать. И жить на что-то надо. А то ведь тетка не вечная. На кого оставить сироту? Ведь братьев и сестер бог не дал, а родители поумирали рано, один за другим, во времена Наташиного черного забвения. Видно, не выдержали страданий любимой дочери, тем более что врачи твердили: надежды нет.

Сироте было теперь уже за сорок, хотя новые знакомые всегда давали ей тридцать три года – почему-то не меньше и не больше. Наташе же было безразлично, сколько ей лет на самом деле и на сколько она «тянет». Это Ирка мучилась, завидовала, говорила: «Эх, мне бы так молодо выглядеть... уж я бы показала жару!» «Какого жару?» – спрашивала Наташа. «Э-э! Жару! Тебе не понять...» – отвечала, качая головой, Ирка, а Наташа и не настаивала на ответе, ей было на самом деле наплевать.

А не наплевать ей было только на одно: на свет и тень, на цвет, на то, как они преломляются под ее рукой.

Часто она работала допоздна – за неимением холста писала просто на бумаге. Как всегда, раскладывала, соединяла невозможные оттенки. Это были черновики, случалось, не выдерживавшие утреннего взгляда. Но что-то удавалось нащупать иногда, куда-то продвигнуться. К какой-то истине, она сама не знала, к какой. Иногда удавалось добыть холст, и надо было, наоборот, вставать на рассвете или вовсе не спать. И пользоваться моментом, чтобы воплотить нащупанное, проверить при дневном свете. Если хотя бы десятая часть черновых рисунков получала развитие, Наташа это считала великолепным результатом и долго потом пребывала в хорошем настроении. Но чаще бывало, что намеченное совершенно разочаровывало, Наташа боролась, закусив губу, с унынием и караулящей за углом депрессией.

В один из таких дней она совсем не ложилась, лихорадочно писала всю ночь карандашом и акварелью, а с раннего утра взяла большие кисти и принялась за масло. Ничего пока путного не выходило, хотя где-то рядом проглядывала, дразнила, маячила некая дрожжащая, что-то обещающая перспектива! Это был день ее любимых, серо-голубых тонов, но именно они ей всего трудней давались. С ними существовала наибольшая опасность впасть в банальность, в повторы чужого опыта.

Но вот вроде появилась, забрезжила некая бледно-синяя надежда. Наташа была возбуждена, ходила, вернее, бегала вокруг холста, непричесанная, растрепанная, в старом, замызганном халате, специально предназначенном для таких болезненных процессов, и вовсе не годившемся для посторонних глаз. И вот надо же, именно в такой как раз день с утра пораньше кто-то позвонил в дверь квартиры. Эх, как жалела Наташа в такие моменты, что не владела матом! Она шла открывать и почти плакала от досады, что ее оторвали от холста, все настроение, все вдохновение испортили, скомкали, испоганили. За неимением более сильных выражений, поминала черта, его мать, других родственников и приятелей нечистого. И говорила сама себе: будь что будет – не стану переодеваться, пусть любуются, кто бы это ни был. Скорее всего, тетка, ну, в крайнем случае, Ирка. Эти переживут. Если же кто-то другой, менее близкий, почтальон, например, то пусть пеняет на себя, раз вздумал явиться к даме в такую рань без предупреждения.

Открыла дверь – за ней стоял участковый Мыскин. Стоял и, как обычно, смотрел в пол.

– Ну? – грозно сказала Наталья.

– Я пришел.

– Вижу. И дальше что?

– Выполняю распоряжение товарища Баюшкина.

– Какого еще Ба... Ах, Баюшкина, – опомнилась Наталья. – Ну ладно... собственно я...

– Рабочий день уже начался, – сказал участковый, – девять часов, ноль одна минута.
– Вот как... неужели уже так поздно? Никогда бы не подумала... Так вы для чего пришли? Выселять меня или позировать?

– Так точно!

– Так точно что?

– Пози... позицию... Позировать.

– У-у... Во дела... Я, честно говоря, уже и забыла думать... Ну, проходите тогда...

Участковый долго и тщательно вытирал ноги о коврик при входе, чего никогда не делал раньше, когда являлся в эту же квартиру как грозный представитель власти. Потом, стараясь не встретиться с Натальей взглядом, прошел в комнату и нелепо встал посередине.

– Сядьте, пожалуйста, вон на тот стул, у окна.

Мышкин какую-то секунду колебался, потом все-таки прошел к окну, уселся на стул...

– Чего вы так напрягаетесь? Я вас не съем... Может, стакан чаю налить?

Участковый энергично замотал головой: нет, чаю не надо.

– Ну, как знаете... а я себе налью, с вашего разрешения... потом возьму вот хороший такой лист... да вы расслабьтесь, расслабьтесь, вам же здесь придется довольно долго сидеть...

– Долго я не могу... у меня только двадцать семь минут...

– Ну, знаете, из-за двадцати семи минут не стоило и являться, – говорила Наталья, пытаясь скрыть облегчение от того, что этот человек сейчас уйдет, что неудачу можно будет объяснить тем, что времени не хватило.

– Ну да ладно, – бормотала она, – разве что для первого раза... примериться, что и как... Ну посмотрите на меня, в конце-то концов! Э-эх, ну что вы, в самом деле... Поднимите ему веки!

Участковый завертел головой, в поисках тех, кому было адресовано Наташино странное приказание. Видно, он ничему уже не удивился бы – даже если бы в квартире прятались Наташины сообщники, которые и в самом деле ринулись бы поднимать ему, советскому участковому, веки! Никого не обнаружил, но цель была достигнута: пока он осматривался, Наташа вполне успела разглядеть его глаза.

Наталья смотрела на сержанта и старалась скрыть свое разочарование. При утреннем свете он почему-то выглядел очень обыкновенно. «Урод, конечно, но ничего мистически зловещего... никакого Иеронима Босха, никакой потусторонней фиолетовости... неужели мне что-то причудилось в прошлый раз?» – раздосадованно думала Наталья.

Но не скажешь же такого человеку в лицо! Даже если попытаться облечь мысль в позитивную форму. «При ближайшем рассмотрении вы совсем не такой страшный, как я думала. Так что спасибо, можете больше не беспокоиться». Нет, невозможно!

Наталья кружила вокруг сержанта Мышкина, заходила то с одной стороны, то с другой, пытаясь вернуть поразивший ее образ, разглядеть в нем хотя бы часть того, что совсем недавно вызывало у нее такой восторг, но ничего не получалось, никаких особых оттенков багрового, темно-красного. Да и глаза, хотя, безусловно, очень странные, не казались более сокровенным открытием, от которого кровь в жилах стынет. Нет, они скорее были просто нелепы. «Может, карикатуру в цвете сделать? Смешную его сторону показать?» – мелькнула мысль.

Наталья поворачивала стул, на котором сидел участковый, изменяя угол, заставляла его вставать, снова садиться, менять позу. Задерживала занавеску, пробуя разную интенсивность освещения – ничто не помогало, ерунда какая-то, хоть плачь. «Разозлить его, что ли, может быть, поможет? Что бы ему такое сказать, чтобы он побагровел?» – подумала Наташа. Спросила:

– У вас на участке много тунеядцев?

Мыскин вздрогнул.

Покраснел слегка, замычал неразборчиво.

– Сколько, сколько? Не слышу.

– Один... то есть, одна...

– Одна? Это я, что ли? Единственная тунейдка на всю округу?

– Да...

Румянец становился заметнее.

Мыскин хотел что-то еще добавить, судя по напряженному лицу, важное. Но получалось только мычание какое-то.

– Что? Говорите отчетливее! А то я ничего не понимаю.

Мыскин сделал отчаянное усилие, выговорил:

– В прошлом месяце еще Вертиханов был, но умер от белой горячки. Теперь вот только вы... статистику портите... Но вообще... если товарищ Баюшкин... то ничего...

– Что, если Баюшкин – ничего?

– Ну, тунейдство...

– Что? Неужели товарищ Баюшкин не возражает против такого позорного социального явления, как тунейдство? От которого мы непременно должны избавиться по пути к коммунизму? А то ведь так и не успеем. Коммунизм уже наступит, а тунейдство еще будет не изжито? Какой ужас, страшно подумать!

– Нет, вообще – нет! – ринулся горячо защищать начальника Мыскин. – Но если вы... если товарищ Баюшкин...

И залился уже совсем краской, по-прежнему глядя в пол.

– Погодите, разъясните, правильно ли я понимаю... Значит, если товарищ Баюшкин А. Г. меня трахает, то я могу и тунейдкой побыть в этом случае? То есть это как бы облегчающее вину обстоятельство? – донимала Наталья бедного сержанта.

Кажется, того прорвало наконец. Лицо стало-таки густо-свекольного цвета. Но все равно – ничего интересного. «Свет, наверно, не тот», – огорченно думала Наташа. Она подвинула стул, уселась рядом с участковым, стала гладить его по затылку. Затылок был странный, жесткий какой-то, точно обитый каким-то твердым материалом.

Желаемый эффект был вроде бы достигнут: от ласки милиционер еще более побагровел – настолько, что Наталья испугалась, не случится ли с ним удар. Но цвет все равно был не тот...

– Ничего у меня сегодня не выходит... – вздохнула она и пошла на кухню мыть кисти.

– Все, сеанс закончен, – крикнула она Мыскину. – Можете идти по своим делам.

Наташа мыла в тазу кисти, а из комнаты доносились какие-то странные звуки.

– Я говорю, можете идти, – крикнула Наташа еще раз. Но Мыскин все не уходил. «Чего он там», – раздраженно думала Наташа. Вернулась в комнату, с порога начала говорить:

– Слышите, я...

И остановилась как вкопанная.

Отвернув голову, чтобы уж точно не встретиться с ней взглядом, сержант быстро раздевался.

– Что вы делаете? Зачем! Не надо таких жертв сумасшедших, это же не ваша вина, что...

Но Мыскин уже скинул всю одежду. И результат явно превосходил все ожидания: сержанту было чем похвастаться. Причем теперь он смотрел в упор на Наталью своими безумными белесыми глазами, а рот его криво и страшно скалился.

– Смотрите, смотрите на меня! – верещал он своим утробным голосом.

Наташа бросила кисти в таз, всплеснула руками. Уселась на стул.

– О боже мой! У меня участковый – эксгибиционист! – бормотала она. – Только этого мне и не хватало...

Глава 3

Заговор жрецов

1

Это наивные обыватели думают, что КГБ – это на Лубянке. Или, строго говоря, на площади Дзержинского. На самом-то деле самая важная, самая могущественная часть Конторы находится прямо в Кремле – вход через Боровицкие ворота. То есть у Ульянова какой-то кабинетик символический и на Лубянке имелся, но главное его логово было здесь. Кабинет не таких размеров, конечно, как у секретарей ЦК, но тоже ничего себе – не меньше, чем у министра. А чем Девятое управление не министерство? Народу работает – если со спецполком считать да с комендатурами – тьма-тьмушая. И не только оперативные сотрудники, но и технари, и всякий вспомогательный состав. И врачи, и инженеры, и шоферы. Не говоря уже о прислуге и каких-то вовсе загадочных людях, о чьих обязанностях лучше не вспоминать. И среди отделов и подразделений – самый страшный и загадочный – спецотдел. Про его существование Софрончук, кстати, случайно узнал, ему, вообще-то, об этом знать не положено. Так что лучше не вдаваться и не задумываться. А то еще выдашь себя каким-нибудь образом.

А по реальной власти и влиянию далеко не всякий министр с Ульяновым сравнится. Разве что обороны и внутренних дел, да еще, конечно, председатель Комитета, тот вроде как Ульянову – прямой начальник. Но в том-то и дело, что – начальник скорее номинальный. Или, скажем так, не постоянный. Когда начальник, а когда – и нет. Сложно даже словами объяснить. Софрончук это начал понимать на каком-то интуитивном уровне, только проработав в системе лет двадцать, да и то благодаря тому, что выдалось прикрепленным у предыдущего Генерального послужить. Вот тогда и узнал он, что, оказывается, начальник «девятки» – лицо в большинстве случаев более доверенное, более близкое к Генеральному, чем председатель КГБ. На том же примерно уровне, как управделами ЦК, который всем добром партийным командует. Бывают ситуации, когда начальник «девятки» может фактически председателя снять! А вот наоборот – едва ли... Хотя, с другой стороны, когда Генеральный меняется, вся верхушка «девятки» тут же превращается как бы в ненадежных, опасных людей, и тогда уже скорее председатель занимается их удалением и трудоустройством. Консультируясь, разумеется, с новым Генеральным, а иногда и с его женой.

В слухи о том, что некоторых начальников службы охраны и даже рядовых, но слишком много знавших оперов отправляли на загородный объект Спецотдела и там растворяли в ваннах с серной кислотой, Софрончук не верил. Хотя правда и то, что некоторые его коллеги после перемен наверху иногда бесследно исчезали, но наверняка их просто переводили куда-нибудь в Магаданское управление. Но чтобы убивать – не в сталинские же времена живем! Теперь, если такое и возможно, то уж в каких-то совсем странных, самых исключительных обстоятельствах. Да и то сказать, когда на эту работу приходишь, то берут же с тебя подписку о готовности, если потребуется, и жизнью пожертвовать. Ты все же офицер и почти на войне, почти на переднем крае. А то как привилегии, как допуск к высшим тайнам, к огромной власти, так это вот они мы, с тарелкой и ложкой... А как ответственность на себя принять, так это наших нету. Обнаглели.

Вот о чем думал Софрончук, сидя в кабинете Ульянова и пытаясь угадать, зачем тот его вызвал, да еще срочным образом, лишив выходного.

Логово. Берлога. Нервный центр, что там еще приходит в голову. Не так часто Софрончук в этом кабинете бывал. Три или четыре раза всего. Нет, именно, что три. Это внукам можно будет когда-нибудь приврать слегка, для пущей важности и занимательности. А самому-то себе – зачем? Именно что три, причем два из них – так, мимолетное свидание,

руку пожали, благодарность объявили и – гуляй, Вася! И один раз всего, перед назначением, достаточно долго его тут продержали, инструктируя. Этим тогда, конечно, предшественник Ульянова занимался. Вальяжный был товарищ, генерал Голыванов. Важность и причастность прямо-таки источал, Ульянов ему в подметки не годится. Но и то сказать, Ульянов же профессиональный чекист, из недр Второго главка выплывший. Отсюда и повадка: вкрадчивость, незаметность, манера говорить тихо-тихо. Великолепный прием, между прочим, заставляет собеседника напрягаться и с ходу ставит его в трудное положение.

А Голыванов – тот генерал от артиллерии был, с бывшим генсеком, покойником, на фронте где-то задружбанился. От его баса стены дрожали – гром победы раздавайся, и все такое прочее. Голыванов, понятное дело, царствовал, но не правил. А правил его первый зам – Опарин, по кличке Опричник. Ох, и страшный был человек! Властью обладал тайной, но беспредельной, любого мог уничтожить или вознести, министры ему в пояс кланялись, да что там министры, секретари ЦК, и те заискивали, не стеснясь! А уж своя-то братва, «девятая», так и вовсе в стену вжималась, только его завидев. Взгляд у него особый был, прямо насквозь пронизывал и до самых пяток пробивал! И где теперь тот Опричник? Кого глазами своими сверлит страшными? Ни слуху, ни духу, будто и впрямь исчез в серной кислоте...

Оглядеться вокруг как следует ни разу до сих пор не удавалось. А вот сегодня Ульянов зачем-то дал Софрончуку возможность посмотреть, полюбоваться, пока он какой-то документ срочный якобы досматривает. Стиль вообще-то не чекистский, это так в ЦК посетителей выдерживают, до кондиции доводят, а в Конторе обычно отношения жесткие, разговоры короткие, отрывистые, времени зря не тратят. Чем меньше слов, тем лучше. И никаких лишних пауз.

Но Ульянов в таких сферах вращается, что его уже просто чекистом не назовешь. Он уже там, по другую сторону, один из жрецов, которых нормальному человеку не понять.

Вот сидит, документ пролистывает, каждую страницу визирует какой-то чудной ручкой неправильной формы, а левой рукой время от времени делает какой-то успокоительный жест, типа сейчас, еще минуту, и освобожусь.

Может, и правда, не важности напускает, а в самом деле трудится, план какой-то утверждает. В неурочный час вкалывает – в субботу, на ночь глядя.

Сколько там на часах-то натикало? Ух ты, уже полдвенадцатого почти... Часы на стене непростые, деревянные, в тон стенам, светлым орехом обшитым.

Стол у Ульянова гигантский, телефонов и всяких других аппаратов связи с гербом СССР – чудовищное количество. Как он только в них не путается!

– Ну как ты, Софрончук? – Ульянов наконец завершил свою работу, перевернув документ, как положено, лицом вниз. Заговорил, как всегда, еле слышно, Софрончуку аж при-
встать захотелось от напряжения.

– Так точно!

– Что «так точно»? Разобрался с нарушением режима?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант госбезопасности...

Ульянов поморщился, небрежно взмахнул кистью левой руки, дескать, зачем такие формальности.

– Ну, и что там?

– Ерунда какая-то, честно говоря, товарищ генерал... Я собрал все показания, как полага-
ется... И никто не подтверждает... никто не видел в тот день этого человека, в смокинге...

– И в чем тогда проблема?

– Да товарищ Фофанов... он настаивает. Говорит, не могло ему почудиться...

Ульянов крикнул вроде участливо, но глаз своих рыбьих, ничего не выражающих, с Софрончука ни на секунду не спускал, словно искал признаков чего-то. Точно проверял, не

выдаст ли он себя чем-нибудь. «А чего выдавать? Выдавать-то нечего! Эх, приемчики эти, в гробу я их видал!» – проносилось в голове у Софрончука.

– Ты, полковник, знаешь, давай-ка закрывай эту тему. Еще не хватало нам таких чудных происшествий в первом подъезде...

– Вот и я говорю, товарищ генерал, никак такого себе представить невозможно, чтобы при нашем-то строжайшем режиме...

Сказал Софрончук и осекся. Поскольку не мог понять, как Ульянов реагирует. А тот все смотрел на него холодными пустыми глазами, в которых ничего не прочитаешь.

Возникла пауза, во время которой Ульянов как будто ждал чего-то еще, каких-то еще других слов. А Софрончук просто потерялся и не знал, что еще сказать.

Наконец Ульянов заговорил снова:

– А в центральном здании на Лубянке, как ты думаешь, строгий пропускной режим или как?

– Я знаю, на что вы намекаете, товарищ генерал, на то, как там год назад алкаша какого-то спящим нашли. Я об этом много думал, как такое могло произойти.

– И что надумал?

– Это шутка была, товарищ генерал, розыгрыш или на спор сделано, по пьяному делу. Наверняка несколько оперов вместе постарались. Заморочили общими усилиями охране голову. Не исключено, что даже и с элементами гипноза. У кого-то еще удостоверение одолжили с похожей на физию алкаша фотографией. Потому что другого никакого объяснения нет и быть не может.

– А у тебя в комендатуре шутников нет, ты хочешь сказать?

– Нет, – ответил Софрончук твердо, – у меня – нет.

– А в аппарате ЦК?

– Не могу такого себе даже представить, товарищ генерал.

– Ну-ну, – сказал Ульянов с непонятной интонацией. Потом добавил: – А про Дрыгало помнишь?

– Ну, как такое забудешь, товарищ генерал... Я же за начальника в тот день был...

– Ах, ну да, да. Ты же еще потом за уборщицу эту просил, которая в ЦК работать отказалась. Как ее звали-то? Нина, кажется. Ца-ца, понимаешь...

– Коваленко, Надежда. Шок у женщины случился, товарищ генерал. Я помню, прибегает к нам, рыдает, что-то бормочет... я понять ничего не могу... пришлось ее медикаментозными средствами в себя приводить.

– Нечего на работу к нам приходить, коли нервы слабые...

– Ну, женщина все же...

– Женщина, не женщина... Сержант госбезопасности, между прочим...

– Нет, товарищ генерал, вы представьте себе: приходишь с утра пораньше убирать в кабинет заместителя заведующего отделом ЦК КПСС и вдруг видишь картину: ответственный товарищ лежит на столе совершенно голый, в чем мать родила! Причем Надежде сначала показалось: мертвый. Потому как синий он был вроде бы – совсем синий! Она со страху завопила, так он возьми и вскочи со стола, и ну на нее кидаться с какими-то криками на непонятном языке. И, как ей показалось, с намерением с ней тут же, на месте, совокупиться.

– Что за язык-то был, хоть выяснили?

– Да африканский язык, хауса. Дрыгало его в ИСАА учил. Надежда в обморок упала. Когда пришла в себя, видит, что Дрыгало, по-прежнему голый, по кабинету скачет – на ее швабре верхом, всадника изображает. Ну, тут она сумела из кабинета выскочить и бегом к нам.

– Ну, вот видишь, а ты говоришь, шутников у вас там нет...

– Нет-нет, товарищ генерал, это не то, это – белая горячка. Пополам с шизофренией. Это не мы, это медики просмотрели.

– Ну-ну, – опять непонятно сказал Ульянов.

Помолчал еще чуть-чуть, Софрончука рассматривая. Потом говорит:

– Аналитик ты, как я посмотрю. Мастер дедукции. Но, коли так, если товарищ Фофанов ошибается и никакого постороннего в ЦК не было... То что в таком случае ты про него заключаешь?

– Никак нет, товарищ генерал, ничего не заключаю, нам не положено заключать о партийных руководителях.

Возникла еще одна пауза, в течение которой Ульянов изучал Софрончука, а тот его взгляд смиренно выдерживал, глаз не отводил. Дескать, вот он я, весь, как на ладони, честный и открытый, и прятать мне нечего.

И тут с Ульяновым приключилась удивительная вещь. Его правый глаз вдруг поднялся как будто бы на уровень выше левого, задрался вверх и уставился куда-то в потолок, а левый, наоборот, опустился и стал косить куда-то в пол. Софрончук смотрел на это ошеломленно. Первой реакцией его было – звать на помощь, ему показалось, что с начальником приключился приступ какой-то болезни. Но тот продолжал себе говорить ровным и спокойным голосом, как ни в чем не бывало. «Никакого приступа, это он нарочно – сигнал какой-то подает», – догадался Софрончук. Но какой? Может быть, это такое, особого рода, подмигивание? Ну да, точно, причем удобно, что его и подмигиванием назвать нельзя, а потому и к делу его не пришьешь, если что. Ну, в самом деле, если доложить кому, так даже о чем речь, никто не поймет.

Но если это хитрый сигнал такой, то что он должен означать? Наверно, вот что: слова, которые Ульянов произносит, не надо понимать буквально. Не исключено даже, что смысл в них следует искать противоположный! А почему Ульянов не хочет говорить просто и ясно? А потому, что боится, что их кто-то подслушивает. И это, конечно, правильно, это профессионально, всегда надо из этого исходить.

А говорил Ульянов следующее:

– Вот это верный подход, товарищ полковник, хвалю, мы всегда должны помнить, что мы – лишь боевой отряд нашей партии... Что наша задача – создавать для партийного руководства оптимальные условия, обеспечивать для него безопасность и даже комфорт. Да-да, комфорт! Не побоимся этого слова! Потому что руководство партии должно иметь возможность сосредоточить все свои силы на решении задач текущего момента. А момент сейчас политически, сам понимаешь, какой сложный! Обостряется! Международная напряженность, империализм и силы реакции наращивают свои попытки подорвать позиции стран победившего социализма...

И дальше все в том же духе. Без тени улыбки. Как будто всерьез. Только глаза в разные стороны смотрят.

«Бу-бу-бу», – нес пургу Ульянов, а Софрончук сидел и терялся в догадках: да что же это все значит в конце-то концов?

Так ничего и не удумал. Может быть, потому, что боялся додумывать до конца.

Когда Ульянов вдруг резко замолчал, на середине фразы остановившись, Софрончук сумел лишь вставить:

– Так точно, товарищ генерал!

Но гаркнуть как следует почему-то не получилось, как-то неуверенно вышло, и даже голоса своего Софрончук не узнал: какой-то жалкий тенорек вместо обычного низкого баритона.

Тем временем с глазами Ульянова произошло мгновенное превращение – они вернулись в свое прежнее, нормальное состояние и снова в упор смотрели на Софрончука без гнева и пристрастия.

– Как семья? – вдруг спросил Ульянов, и Софрончук чуть не подавился от неожиданности:

– Спасибо, товарищ генерал, все здоровы. Все трудятся, каждый на своем участке, так сказать...

– А наследник, он как? Школу скоро заканчивает, наверно?

– Уже закончил, товарищ генерал, в Инязе, на пятом курсе.

– О, как время летит... Английский учит?

– Так точно, товарищ генерал!

– Это правильно... правильно... Язык главного противника... А завтра ты, кажется, не работаешь?

– Так точно, выходной!

– С семьей, конечно, отдыхать будешь?

– Да вот думал, может, за грибами сходить? Грибов, говорят, в этом году – немерено...

– Н-да, можно и за грибами... Но с другой стороны, завтра передачи хорошие... «Семнадцать мгновений» повторяют...

– Да я смотрел уже...

– Да и я тоже, два раза даже... но лишний раз все равно не помешает... Потом хоккей завтра...

– Я смотрю, только когда ЦСКА играют...

– Напрасно! А вдруг «Крылышки» завтра выиграют, а? Тогда это и на ЦСКА отразится...

– Да не выиграют они...

– Это непредсказуемо... Вообще, я вот тебя дернул на ночь глядя... А за грибами – это надо рано вставать, разве нет?

– Ну да... вообще-то...

Ульянов теперь говорил почему-то громко, четко, выговаривая слова, словно диктор. И смешно пучил свои глаза, которые даже вроде перестали быть рыбьими, что-то в них теперь даже читалось, какая-то даже вроде эмоция, волнение, что ли.

– Так что выпись хорошенько, – продолжал он во весь голос, – побудь дома, с семьей, сына повоспитывай, телик погляди...

– Да жена еще просила тещу съездить навестить в Звенигород... Не очень, правда, хочется, если честно.

– Не надо, не надо к теще! В следующий раз съездишь. Точно тебе советую: дома завтра, дома сиди!

Теперь Ульянов смотрел на Софрончука почти злобно, яростно, как будто сердился на него за что-то. За тупость, например.

Помолчали, потом Ульянов говорит, как будто отчаявшись:

– И вообще... Вдруг завтра ты мне понадобишься?

– Зачем? – удивился Софрончук. – У нас на выходные Рузин дежурит, если что – все вопросы к нему... И потом... Вы разве завтра с Генеральным в Венгрию не уезжаете?

– Уезжаю-уезжаю... Ну, может, Акимову ты нужен будешь...

Наверно, лицо Софрончука выражало такое явное недоумение, что Ульянов не выдержал и, совсем уже повысив голос чуть не до крика, заявил:

– Мне о людях приказано больше заботиться, понял? Так что сиди дома и не рыпайся!

«Ну, – подумал Софрончук, – завтра что-то будет этакое. Что-то утро мне готовит...»

А вслух гаркнул на этот раз хорошенько:

– Так точно, товарищ генерал!

Но Ульянов только недовольно поморщился.

2

До утра ждать не пришлось, события начались уже глубокой ночью. Часа в три Софрончук внезапно проснулся от ощущения, что в квартире происходит что-то не то, что-то странное, тревожное. Первый порыв, чисто рефлекторный – вскочить, выхватить пистолет из тумбочки... Но жена мирно посапывала рядом, из-за двери спальни не доносилось ни звука. А вот с улицы, через открытую форточку, как раз долетали отдаленные пьяные крики и смех. Но это как раз успокаивало, это доказывало, что все нормально, что никакой опасности нет. Ночь на выходной – все, как полагается. Вот оказаться сейчас там, на улице, на пути этих загулявших удалцов, это могло бы быть опасным (да и то ерунда, скорее всего Софрончук бы с ними справился, главное – быстро понять, у кого из гуляк может быть нож). А тут, в теплой постели, на далеком двенадцатом этаже, за стальной дверью квартиры в запертом подъезде от далеких криков было почему-то уютнее и спокойнее. Но все же что-то же такое его разбудило... Или просто нервы разыгрались, довел-таки чертов Ульянов до ночных галлюцинаций...

Тут за дверью, в холле, послышался вроде бы какой-то звук, даже, кажется, замок приглушенно щелкнул... «Что это еще такое, – думал Софрончук, – все вроде дома вечером были, даже Сашок, и тот с вечеринки рано вернулся...»

А потом размышления закончились – потому что тихонечко скрипнула, приоткрывшись, дверь спальни, и в комнату просунулась смутно различимая в темноте голова в черной кепке. Человек еле слышно, намеком, присвистнул, стараясь привлечь внимание Софрончука. Тот беззвучно, как учили, вскочил на ноги, выхватил пистолет из тумбочки... Но человек у двери энергично мотал головой, дескать, не надо оружия, делал какие-то еще трудно различимые жесты... Указывал, кажется, на спящую жену, дескать, зачем ее будить? И вообще, давай скорей, одевайся тихонечко и выходи.

Не бандитское вроде бы поведение. Софрончук постоял секунду, всматриваясь в темный абрис, взвешивая вводные, оценивая странную ситуацию, вспоминая Ульянова: его штучки? Но зачем? Дикость какая, да и рискованно, он мог ведь со сна и пальбу начать...

Или все-таки это бандиты такие – с воображением? Или что-нибудь не совсем тривиальное – ЦРУ, Моссад? Поди плохо – заместителя коменданта ЦК похитить! Нет, бред, бред, это только в фильмах такое бывает...

Держа все-таки пистолет на изготовку, не отрывая глаз от проема двери, он подхватил тапочки, брюки, рубашку, бесшумно обошел кровать, на краю которой сопела жена... Когда Софрончук приблизился к двери, человек отпрянул, освобождая ему дорогу, но, прежде, чем раствориться в темноте холла, сделал молниеносное движение рукой (Софрончук чуть не выстрелил), и на тумбочке рядом с головой жены появился какой-то предмет. Софрончук взял его на секунду в руку, поднес к лицу... Это была небольшая, тоненькая вазочка, а в ней – цветок на высоком стебле. Софрончук секунду поколебался: оставить на тумбочке или нет? Потом все-таки оставил. «Подчинился я им, все делаю безропотно, вот что значит трепет перед начальством», – мелькнула неприятная мысль.

Но что толку было размышлять, поздно уже... Софрончук выскользнул в холл. Там их было двое, в одинаковых плащах и темных кепках. Один высокий и худой, другой низенький и толстый. И оба смешно прижимали пальцы к губам, чтобы убедить Софрончука не шуметь. А он первым делом направился к входной двери, ведь лично на стальной засов закрывал, не говоря о хитром французском замке: как открыли-то? Замок был цел, и засов тоже, никаких явных повреждений не было заметно – мистика, да и только. «Во дают ребята!» – уважительно подумал Софрончук.

Но заговорил он только в лифте. Когда двери закрылись, он спросил:

– А до утра подождать нельзя было?

– Вводная была, что вы на рассвете можете за грибами отлучиться, товарищ полковник, – отвечал тот, что повыше.

– Угу, понятно, откуда вводная... А что за цветок вы жене на тумбочку поставили?

– Это чтобы она хорошенько выпалась. Когда вы вернетесь, она, скорее всего, еще спать будет. Даже и не узнает, что вы где-то отсутствовали...

– А проснется – с головной болью небось.

– Нет, это же не хлороформ, товарищ полковник. Новейшая разработка... Все ингредиенты натуральные, органические, безвредные...

– Сыну тоже такой цветок поставили?

– Так точно!

Софрончук только хмыкнул. Но на душе все же было неприятно – хотя сам ведь только вчера размышлял на тему, что офицер «девятки» всегда должен быть готов ко всякому самопожертвованию.

«Самую малость осталось узнать – зачем весь этот цирк понадобился», – думал он, глядя на ночную Москву из окна новенькой «Волги». Судя по тому, как резво она брала с места, машина была из той самой легендарной партии – оборудованных специальными двигателями, заказанными в Германии, на заводе «Мерседес».

Везли, конечно, куда-то за город, но пытаться выяснять, куда именно и зачем, было бессмысленно. Он только спросил: «Что-то я вас, ребята, не видал никогда. Вы из спецотдела, что ли?» Но те в ответ только промолчали. А что, собственно, они могли сказать, если спецотдела официально не существует?

«Сейчас привезут на спецдачу и растворят в своей серной кислоте», – думал Софрончук, но всерьез он в это не верил: его же обещали доставить назад еще до того, как жена проснется...

Ободряло и то, что высокий сел на переднее сиденье рядом с шофером, а низенький-толстенький устроился сзади вместе с Софрончуком. Арестованных, ясное дело, так не возят. А когда перед поворотом на Рублево-Успенское шоссе низенький достал из кармана черную повязку, то Софрончук совсем успокоился. То есть сделал вид, что, наоборот, рассердился, сказал: «Ребята, вы что, совсем сдурели?» Но на самом деле окончательно уверился: отпустят живым. Иначе зачем такие сложности?

«Извините, товарищ полковник, приказ», – пробормотал низенький, плотно завязывая повязку у него на затылке. «Спецобъект», – пояснил высокий.

«Да видал я этих спецобъектов...» – пробормотал Софрончук. Хотел даже матом выругаться, но не стал. Нет, действительно, обидно. Ему, допущенному до святой святых, полковнику «девятки» – повязку на глаза!

«Рублевка, – думал он, – не должно бы здесь объектов спецотдела быть... Здесь дачи политбюро, секретари ЦК, министры живут... «Барвиха». Чего сюда людей с повязками на глазах по ночам возить... Если только не...»

Минут через десять «Волга» повернула резко налево, потом еще раз налево, потом направо. Потом машина остановилась, Софрончука взяли под руки, повели, по лестнице пришлось подниматься – два пролета. Не очень-то ловко это получалось, с повязкой на глазах, несколько раз Софрончук споткнулся, прежде чем наладился переступать со ступеньки на ступеньку вслепую, его сопровождавшие тоже не знали, как толком его тянуть и когда поддерживать, чтобы он не упал.

Наконец пришли – куда-то. Посадили на стул неудобный, с жестким сиденьем. Потом еще минута каких-то переговоров шепотом, кто-то входил, кто-то выходил, двери открывались и закрывались – почти бесшумно, – но все же Софрончук распознавал звуки. Хотелось

выругаться громко, устроить скандал, нарушить эту почтительную тишину. Но он, конечно, сдерживался – офицер же все-таки!

А потом кто-то подошел сзади, стал, сопя, развязывать повязку. Долго возился. Наконец – раз, свершилось.

Он сидел посредине небольшой комнаты с наполовину обшитыми деревом стенами. Вдоль стен стояли узкие диванчики, обтянутые материей, какие-то не сочетавшиеся друг с другом столики и другие предметы невнятной, случайной мебели. Но для конспиративного спецобъекта, конечно, слишком шикарно – никаких сомнений: это правительственная дача. «Вот почему повязка – боялись, что я дачу узнаю, догадаюсь, у кого в гостях».

Самое нелепое – Софрончук догадался уже через несколько секунд. У него ведь слух музыкальный и память на голоса отличная. Ну зачем, спрашивается, было огород городить?

В общем, все та же история – про столицу Франции. Почему, спрашивают, Париж по-русски пишется через «ж»? Ответ: а у нас все через «ж».

Выражения звучали специфические.

«Эк-кая херня!» – это же Попов, это он всегда так говорит! Научился якобы у своего таллинского приятеля в молодости. Думает, у него действительно эстонский акцент получается.

Вот и сейчас – орет на всю дачу про «эк-кую». Ну, в самом деле, стоило трудиться, глаза завязывать!

И не Ульянова ли это голос там где-то бубнит? Уговаривает кого-то чего-то не делать, не рисковать. А голос Попова в ответ: да брось ты, чушь собачья! Не боюсь я ничего! И опять про «эк-кую».

Дверь в дальнем углу зала распахнулась, будто от удара ногой, и в комнату ворвалась группа – Попов во главе, за ним – еще один Попов, за ними первый секретарь московского горкома Коломийцев и еще двое каких-то мужиков, которых Софрончук никогда в жизни не видел.

Два Попова практически бежали, остальные еле поспевали за ними.

– Здорово, Софрончук! Учти, Гречихин тоже с нами! На нашей стороне! Понял? Только он спит. Пожилой человек, понимаешь? – орал Попов, приближаясь, как вихрь.

Софрончук, честно говоря, растерялся. Стыдно признаться, это ведь просто непрофессионально – теряться, но есть же предел всему! Мало того, что его в какой-то заговор втягивают, так еще Попов почему-то раздвоился. Что тут скажешь?

– Здравия желаю, – пробормотал Софрончук и на этом замолчал. «Чем меньше говорить в этой ситуации, тем лучше», – думал он. Только встал, конечно, со стула и остался стоять, возвышаясь над низкорослыми партийными лидерами.

А Попов первый не унимался:

– Ну, тебя, наверно, интересует: а что Савушкин, мой главный начальник, председатель комитетский? Так вот: и он нас тоже поддерживает. Да точно тебе говорю! Он поддерживает, но не хочет светиться, сукин сын! Ваши гэбэшные штучки. Но разрешил как-нибудь тебе так, осторожно намекнуть, что он не будет сердиться, если ты нам поможешь.

«Хорош намек, тонкий такой», – подумал Софрончук, но вслух ничего не сказал.

– Понял, да? И теперь ты про Генерального спросишь? Так вот. Ему мы, конечно, доложим. Но когда? Только когда вся информация будет собрана и все это поганое дело распутано. Сам понимаешь, к Генеральному с полуфабрикатами не ходят! Нам и нужна твоя помощь, чтобы этого гада Фофанова и его прихвостней разоблачить и Генеральному глаза раскрыть на их гнусную деятельность! Предметно и доказательно! Ну, и чего ты молчишь, Егор? – с этими словами Попов повернулся к первому секретарю московского горкома Коломийцеву. Тот покраснел, откашлялся и сказал: «Действительно... Чего уж там...»

– Вот видишь, это московский горком, и Гречихин с нами заодно, а ты же понимаешь, это же Комитет партконтроля, это такая сила! Силища! Кто против партконтроля чего посмеет? Только он устал, спит.

– Это его, что ли, дача? – неожиданно для себя самого вдруг спросил Софрончук.

– Ишь ты! – восхитился Попов. – Ну ты и догадлив! Правильно тебя рекомендовали! Справишься!

Один из двух типов, державшихся сзади, в которых Софрончук чувствовал коллег, расстроился, даже зашипел что-то такое невнятное, как змея. Ему, видно, приказано было не допустить идентификации объекта. Не допустишь, как же, с таким Поповым-то...

– Его, его дача, Гречихина! Видишь, какой мебелью обставлена – это, по-моему, еще с бериевских времен... Гречихин сам бы тоже пришел, но, понимаешь же, пожилой человек... Из рабочих, – почему-то добавил Попов.

Потом повернулся к своему двойнику и спросил:

– Ну как? Нравится он тебе?

Попов номер два важно кивнул.

– Во, видал? Ты ему понравился! Это брат мой, Никодим. Но вообще Коляном кличут. Не думай, что близнец... Хотя похож... Правда? Нет, ты смотри, смотри, нас тетки родные путали... Хотя у меня нос толще, и жопа... Ха-ха-ха! Он у меня... Кто ты у меня, Колян? Экстра – кто? Экстра... Ну, короче, он людей насквозь видит.

– Никакой я не экстра, – сказал Попов номер два, обиженно сложив при этом губки. – Экстрасенсы... эти... это все обман.

– Но ты ж насквозь видишь? – возразил Попов номер один.

– Вижу! Дано мне. Ведун я. Чую.

И тут он покачнулся, и Попов Первый схватил брата за руку, чтобы тот не упал.

«Да они оба пьяные!» – догадался Софрончук.

– Ну так что, согласен? – спросил Попов, поворачиваясь снова к Софрончуку.

– На что, товарищ Секретарь ЦК КПСС, на что я должен согласиться?

– Да о чем мы с тобой тут битый час толкуем? Издеваешься, что ли? Ну, ладно, понимаю... время тянешь. Дело серьезное. До завтра можешь подумать. До полудня. Но тем временем – никому ни звука, понял? Иначе будет считаться: государственная измена!

И с этими словами Попов изобразил рукой, как он стреляет в Софрончука из пистолета. И звук соответствующий издал: «Пиф-паф!»

Потом резко повернулся вокруг своей оси и направился к выходу, и вся свита – за ним. Только один из товарищей сопровождения, тот самый, что шипел, как змея, задержался на секунду, наклонился к Софрончуку и прошептал: «Пока будете думать, придется вам побыть здесь, на даче, полковник. И решение может быть только одним – положительным!»

«А если нет?» – тоже шепотом спросил Софрончук.

«Тогда – пиф-паф», – пожал плечами коллега и поспешил догонять начальство.

«Ну, раз такое дело, надо, конечно, соглашаться, – сказал себе Софрончук. – Только вот непонятно, на что».

Но вообще-то он догадывался, о чем примерно идет речь. Но полной уверенности, что он правильно прочитывает ситуацию, все же не было. А без уверенности – как можно на такую жуть подписываться?

А потому решил Софрончук с дачи Гречихина бежать. По возможности, конечно. Но он почему-то совершенно не сомневался, что такая возможность обязательно представится.

Глава 4

Месть покоренных

1

Вот какой приключился конфуз: у подъезда Наташиного дома столкнулись товарищ Баюшкин А.Г. и заместитель председателя облисполкома товарищ Корчев К.М. Такое невероятное совершенно совпадение, но чего только в жизни не бывает... При том, что Наташа ни одного, ни другого товарища в гости не звала и никак не рассчитывала их увидеть.

– Что вы делаете здесь, товарищ Баюшкин? – удивился товарищ Корчев. Хотя чего было особенно изумляться: мало ли что мог делать в данном конкретном доме милицейский начальник? Может, у него теща в этом доме живет или двоюродный брат, например. Но вот представить себе, что Баюшкин тоже может иметь отношение к Наталье, Корчев почему-то не мог. Воображения не хватало.

– Я... тут... ну в общем... – пробормотал товарищ Баюшкин, добавив еще какие-то сложные звуки, которые никак невозможно было разобрать.

– А-а, вот как? Ну, понятно... – сказал в ответ товарищ Корчев, хотя на самом деле ему ничего понятно не было. И задумчиво подвел итог: – Вот как бывает...

Приободрившийся милиционер даже решился задать встречный вопрос:

– А у вас, у вас тут живет кто-то? Или как?

– У нас? У нас-то, да... у нас самой собой. Вот какое совпадение, – невнятно отвечал товарищ Корчев.

Тем временем они оба вошли в подъезд. Зампред облисполкома, разумеется, первым, по старшинству чина, а милицейский полковник на почтительном расстоянии, но тоже не сильно отставая.

Конфузу предшествовали следующие события.

Товарищ Корчев отправил свою супругу Корчеву Л.М. отдыхать в санаторий имени XVII партсъезда Четвертого главного управления в городе Гагра. И дочь Мария выехала с ней тоже. Супруга сильно колебалась перед выездом, мучимая сомнениями: а безопасно ли оставлять мужа одного после произошедшего? Но, в конце концов, решила, что именно после произошедшего и можно. Сочла, что он получил достаточную взбучку, профилактической силы которой должно хватить на некоторое время: проведенные педагогические мероприятия вроде как произвели на супруга сильнейшее впечатление. Вспоминая его выпученные глаза и трясущийся подбородок, она не могла поверить, что он скоро рискнет вновь встать на путь супружеской измены.

И сам товарищ Корчев несколько не сомневался в правоте супруги и уверял ее совершенно искренне, что о новых изменах не может быть и мысли. И так оно и было. Мысли не было. До поры до времени. А именно, до тех пор, пока через пару дней после отъезда благоверной Константин Михайлович не загрустил на ночь глядя. Остальные члены его ближнего круга рванули на выходные на обкомовскую дачу, где их ждал обильный ужин, а также приятная компания молодых инструкторш из областного комитета комсомола. А сам товарищ Корчев не рискнул – после устроенного супругой бенца собирался он пожить тихой вегетарианской жизнью без новых приключений.

Настроение, однако, по этому поводу было печальное. И ложась спать, он вдруг так ярко вспомнил Наташу во всей ее красе, и вдруг так ясно осознал, что такой сногшибательной женщины у него не будет уже никогда, что сердце защемило, стало так досадно и обидно – ну просто не вмоготу. Хотел ведь похвастаться перед братом, которого ждал в гости

из Москвы и с которым с юности велось негласное соревнование по части донжуанства. Наталья должна была побить брата со всеми его крашеными блондинками раз и навсегда.

Жизнь-то одна, думал горькую думку Константин Михайлович. Корячусь на работе как галерный раб, терплю всякие унижения – от обкомовских секретарей, например, да и от председателя облисполкома, который и матом позволяет себе критиковать подчиненных. Себе не принадлежу. И все это зачем? Чтобы Любовь Максимовна телеса качественно нагуливала, чтобы дочь себе позволяла щеголять в американских джинсах и югославских сапогах и чтобы они обе носы по спецсанаториям задирали? А ему-то самому что остается, кроме армянского коньяка?

Нет, должна же быть в мире справедливость! Пускай, пускай его снова подстерегает опасность, пусть враждебная сила в лице супруги грозит новой расправой. Он не должен трусить... Ну пусть снова обрушит на него всю полноту своего гнева – разве дело не стоит того? И главное: не пойдет же она в бюро обкома партии на него жаловаться, в самом-то деле. Дура, конечно, но не настолько же, чтобы размашисто обрубить свой собственный комфортабельный сук. Понимает же, что это будет не только конец дальнейшим карьерным устремлениям, но и нынешнего завидного положения можно лишиться в два счета! И никаких тебе больше спецквартир, пайков и четвертых управлений! Отправят, в лучшем случае, стройтрестом командовать. Нет, хватит ума у благоверной Любы не доходить до буквального. Угрозы останутся угрозами, а если даже тарелок еще больше побьет, даже если зонтик опять об его спину обломает, все равно, даже это – приемлемая цена за несколько минут пронзительного счастья. И вообще – мужик он, в конце-то концов, или кто?

Вот так размышлял товарищ Корчев. Товарищ Баюшкин тем временем рассуждал проще: чего это наша красавица носа не кажет? Добилась своего, сержанта заполучила в модели, и думает, все, что ли? Нет, так не пойдет. Ишь ты, наглость какая!

Но, с другой стороны, думал товарищ Баюшкин, если девка проявит достаточно благоразумия и будет вести себя корректно, то он может ей показать, что и он не мужлан какой-нибудь, не сержант участковый, а весьма даже галантный любовник. В таких видах взял с собой товарищ Баюшкин значенную от жены баночку черной икры, коробку дефицитных куйбышевских конфет и бутылку марочного армянского коньяка «Эрибуни». По совпадению, ровно тот же набор, с которым направился в гости к Наталье и товарищ Корчев – ведь с одной базы, в конце концов, снабжались.

Не очень зная, что еще сказать в сложившейся ситуации, и уже одолеваемые неприятными подозрениями, в том же иерархическом порядке вошли они в лифт. Наталья жила на третьем этаже – Корчев нажал на кнопку четвертого, планируя затем спуститься на один этаж. Баюшкин, поколебавшись долю секунды, нажал кнопку второго – предполагая затем подняться.

Лифт доехал до второго. Баюшкин вышел, пожелав заместителю председателя доброго дня. Корчев с приклеенной улыбкой на лице помахал ему рукой в ответ сквозь стеклянные двери, влекомый лифтом вверх.

Но расстались они ненадолго.

Оба постояли на площадках избранных этажей около одной минуты, а потом сдвинулись с места и пошли навстречу друг другу – один снизу, другой – сверху.

У площадки третьего этажа они и встретились – каждый не дойдя до цели несколько ступенек. Стояли и смотрели в упор друг на друга – с явным отвращением.

Но больше всего они оба в этот момент ненавидели Наташу. «Вот сука!» – думал один. «Проститутка, шлюха!» – ругал ее про себя другой.

– Что это вы тут делаете? – Наташин голос вывел обоих ответственных товарищей из состояния транса.

Но ответить на этот вопрос они были не в состоянии. Да и говорить что-либо членораздельное они не собирались. Только помычали, набывчив шеи. А потом начали разворачиваться в противоположные стороны. Товарищ Корчев поднял уже ногу, намереваясь подняться назад на площадку четвертого этажа, товарищ Баюшкин предполагал вернуться на второй, но Наталья, стоявшая с мусорным ведром в руках, прикрикнула на обоих так, что они оба остановились.

– Ну, что же вы? Константин Михайлович! Анатолий Гаврилович! Куда же вы? Это не годится: взрослые, солидные дяди, а куда-то бежать собрались? Нет уж, раз пришли, заходите!

– Нет... я... но тут... – бормотал товарищ Корчев с ногой, занесенной над ступенькой.

– М-м-мы... мо-о, – отзывался снизу менее артикулированный товарищ Баюшкин, застывший вполоборота.

Но Наталья умела излучать энергию, когда хотела. Этой энергии было очень трудно противостоять.

– Идите, идите сюда, у меня чай есть, «Три слона», из Москвы подруга привезла! Два часа, говорит, в «Елисеевском» в очереди отстояла!

Невероятно, но факт: оба подчинились. То ли перспектива полакомиться натуральным индийским чайком была заманчива, то ли Наташино энергетическое излучение было неотразимо, то ли смущенные ситуацией кавалеры утратили способность вести себя адекватно. А скорее всего, и то, и другое, и третье, но в результате оба больших начальника оказались сидящими за крохотным столиком в нехорошей квартирке. При этом товарищ Баюшкин по дороге еще и содержимое ведра в мусоропровод выкинул, как это и пристало истинному джентльмену.

И потом в квартирке номер шесть разыгралась сюрреалистическая сцена: два страшных мачо сидели друг напротив друга. В комнате стало очень тесно, повернуться негде. Но Наташа поворачивалась, ловко, легко лавировала, разливая чай, делала это все так грациозно, так красиво, что оба гостя не могли отвести от нее глаз. Хотели бы, но не могли.

И чай был так хорош, так ароматен! Будто и не пили они никогда такого замечательного чая.

И все же не пустым же его было пить! Первым выступил с инициативой товарищ Баюшкин, доставший из портфеля коробку конфет. Товарищу Корчеву ничего не оставалось, как извлечь на свет божий банку икры. Баюшкин ответил коньяком. Корчев хотел было коньяк заначить, но когда Баюшкинова бутылка как-то очень быстро кончилась, то сама собой на стол выскочила и корчевская.

– Скажите, уважаемые гости, как вы находите сегодняшний свет? – вдруг спросила Наташа. Спросила и сама тут же пожалела об этом.

– Свет? – удивился товарищ Корчев – Вы имеете в виду степень дневного освещения?

– Ну, в общем... в общем, примерно... примерно, да... – неопределенно сказала Наташа. Она и сама была уже не рада: ну зачем обсуждать такие серьезные вопросы? Но не удержалась, добавила еще что-то, хотя и видела, что производит на гостей неприятное впечатление.

– Кажется, удивительные оттенки серого... красиво...

– Освещение сегодня нормальное для такого времени года, облачность умеренная, а вы как считаете, Анатолий Гаврилович? – солидно выговорил товарищ Корчев и вопросительно посмотрел на товарища Баюшкина: в себе ли хозяйка?

– По-моему, тоже ничего, нормально, – откликнулся тот.

«Лучше о коньяке, шашлыке и рыбалке», – думала Наташа. Правда, в сих предметах была она не сильна, но решила: лишь бы тему правильную задать, а там они сами говорить будут.

Действительно, оба гостя оживились – тут еще и коньяк начал свое действие оказывать – как-никак, по 500 граммов на брата. И вот разговор о рыбалке перетек как-то сам собой на разговор об обкомовской даче.

Вообще-то алкоголь в достаточно серьезных дозах имел свойство нейтрализовывать Наташины чары, переводить их в чистую физиологию. А физиология, не получив удовлетворения, разряжалась иногда агрессией и вообще черт знает чем.

Настал момент, когда глаза гостей замаслились, затеплились особым огнем. И вот, ни с того ни с сего товарищ Баюшкин решил игриво шлепнуть Наташу по ягодицам. Но та ловко увернулась, просто даже машинально – такая естественная реакция организма. Она же не могла предвидеть последствий, а то, может быть, предпочла бы вытерпеть милицейский шлепок. А так вышло вот что: тяжелая кряжистая рука пролетела мимо и угодила по колену товарищу Корчеву – в комнате же было очень тесно.

– Ну, знаете... – возмущенно воскликнул тот, вскакивая с места.

Он стоял и с удивлением оглядывался вокруг, точно его расколдовали и он только сейчас понял, где находится. Возмущенно ворча, он схватил плащ с вешалки и направился к выходу. Вслед за ним бросился и товарищ Баюшкин.

– Простите, товарищ Корчев, – бормотал он, – это я не предумышленно... это несчастный случай был...

– Знаем мы эти несчастные случаи...

Через несколько секунд уже оба спускались по лестнице, причем милиционер все еще продолжал униженно просить прощения.

Наташа попыталась их остановить – но, наверно, не очень искренне, надоели они ей сильно оба.

Но для приличия крикнула им вслед:

– Куда же вы? Даже чаю не допили. И конфеты остались... Ну хоть попрощались бы, спасибо сказали, что ли...

Но куда там: руководящие джентльмены и не думали прощаться или благодарить.

Тогда Наташа в сердцах крикнула им вслед:

– А вы чего, собственно, приходили? Группен-секса хотели, что ли? Или как?

Оба, кажется, слышали это выражение – группен-секс – впервые, но удивительное дело: немедленно поняли его значение. Товарищ Корчев резко остановился – так резко, что полковник врезался в него своим мощным корпусом. Зампред брезгливо оттолкнул милиционера. Отряхнул пиджак. Огляделся, нет ли кого в подъезде, кто мог бы слышать такие нецензурные слова. Но в подъезде никого не было видно.

А во дворе вот что выяснилось: дожидавшиеся своих хозяев шоферы двух черных «волг», перегородивших двор, установили контакт и оживленно обсуждали что-то, поглядывая на Наташины окна.

«Этого еще не хватало!» – одновременно подумали оба начальника.

Тогда товарищ Корчев повернулся к товарищу Баюшкину и сказал вполголоса:

– Все-таки надо ее выселять. Нечего тунеядство поощрять.

– Немедленно займусь, Константин Михайлович!

– Только оформите все как следует, чин по чину. Чтобы комар носа не подточил... Да и вот еще что: хорошо бы органы ее проверили: что за разговоры она такие ведет сомнительные – про свет какой-то... Что-то религиозное...

– Так точно, сделаем! – откликнулся товарищ Баюшкин.

«Я тебя заселил, я тебя и выселю», – думал про себя товарищ Корчев.

За эти годы кто только не донимал Наталью своими приставаниями. Охотились за ней птицы разного калибра – и нахочленные ястребки, самоуверенно клюющие пернатых помельче, и нагловатые воробушки, вообразившие себя хищниками.

Очень настойчив был врач-терапевт районной поликлиники, товарищ Харитонкин Аркадий Петрович, член КПСС с 1961 года.

Либи́до у него было чуть выше среднего показателя по стране, и Харитонкин считал необходимым прослыть донжуаном. В институте ему это более или менее удавалось, среди своих побед он числил и двух студенток и, что важнее, педагогов и представителей администрации. Например, Антонину Васильевну – коменданта общежития. Кроме того, он водил амуры с высокой и худой преподавательницей гистологии товарищем Абельчиковой Зинаидой Георгиевной и завхозом – пышнотелой и беспартийной Людой Брускиной. Женщины соперничали, боролись за него, делали друг другу гадости, и это тешило самолюбие Харитонкина. И вообще все это казалось легкой и веселой игрой. Получив распределение в поликлинику, он вскоре женился, потом развелся, потом опять женился, и потом вновь оказался на грани развода, и все из-за того, что считал необходимым деятельно поддерживать репутацию бабника, несмотря даже на возрастные изменения. Причем, обжегшись один раз на замужней даме и получив изрядно по мордасам от оказавшегося бывшим боксером супруга, старался выбирать в качестве объектов своего внимания женщин одиноких и незащищенных.

Наталья имела несчастье попасть к нему на прием как-то поздней осенью по поводу одолевшего ее гриппа. Вообще-то обычно она старалась не обращать внимания на такую ерунду, как кашель и насморк. И даже небольшую температуру взяла за привычку терпеть. Ходила больная на работу – уж очень боялась ее потерять. Но тут температурища поднялась так, что ее все время бил озноб, перед глазами плыли черные круги, и дурнота подступала к горлу. Наташе казалось, что ее может вырвать в любой момент. Даже черствая начальница Лидия Петровна, посмотрев на Наташу своими рачьими глазами, предложила ей отправиться к врачу. Наверно, просто заразиться боялась. Но, так или иначе, оказалась Наташа в районной поликлинике номер 14. Еле-еле поднялась на второй этаж по лестнице. В полуобморочном состоянии сидела в очереди – кажется, часа полтора-два. Наконец дошло дело и до нее, она вошла в кабинет, поздоровалась.

«Здрвс», – небрежно буркнул плешивый полноватый врач, писавший что-то за столом. Но потом он поднял голову и уставился на Наталью. Глаза его тут же потемнели, налились чем-то фруктовым, и голос изменился. «Здравствуйте, здравствуйте!» – заклекотал он.

Харитонкин вскочил, походил кругами, что-то прикидывая. Пальцы рук рассматривал, увидел, что кольца нет. Наконец, решился. Приказал раздеваться.

В голове у Натальи была только одна мысль: как бы не вырвало прямо на врача, вот ведь будет ужас! А потому она не замечала, как Харитонкин потирает ручки, как суетится вокруг нее, как прижимает ладони к ее спине, бокам, животу и долго держит их там. Если бы не присутствие медсестры, он, конечно, еще не так бы разошелся. А так он с сожалением завершил осмотр, выписал Наталье бюллетень и стандартный набор лекарств. И главное, постановил, что посетит ее на дому – три дня спустя.

На протяжении всех трех дней Харитонкин не давал забыть о себе. В первый день какой-то бомж-посыльный с носом в фиолетовых прожилках принес букет розовых гвоздик с приколотой бумажкой, на которой было изображено проколотое чем-то вроде пассатижей сердце (имелся в виду, возможно, стетоскоп). На второй прибыла коробка перевязанных красной ленточкой конфет московской фабрики «Рот Фронт», с истекшим – правда, совсем недавно! – сроком годности. А на третий день явился сам доктор.

К тому моменту Наташа уже слегка поправилась – температура снизилась, из носа больше не текло, и главное – почти не тошнило. Только кашель ее мучил очень сильно и

голова кружилась, когда она выбиралась из кровати. А так – ничего. Можно даже сказать, отлично.

Поэтому она вполне уже все понимала, видела четко, что происходит и кто чего хочет.

Вот еще в чем ей повезло – у нее в квартире в момент визита Харитонкина оказалась тетя Клава. На время медосмотра она деликатно удалилась попить чайку на кухню. Когда товарищ доктор принялся хватать пациентку за разные места, причем довольно грубо, применяя силу и страстно сопя в обе ноздри, Наташа сначала просто молча, но решительно сопротивлялась. Поняв, что не справится, она стала громко звать тетушку:

– Тетя Клава! Скорее, скорее, иди сюда!

Тетушка от неожиданности уронила что-то на кухне, разбила тарелку, кажется, и, видимо, застыла в нерешительности, не зная, хвататься ли за метлу – подметать осколки, бежать ли на зов племянницы или и дальше стоять столбом, пытаясь понять, что происходит.

Харитонкин тем временем вцепился рукой Наташе в ляжку и явно собирался продвигаться дальше.

– Ну, тетя, тетя, где же ты? Бросай все, беги сюда! – крикнула Наташа.

Слово «бежать», впрочем, следовало понимать фигурально – надо было всего-навсего сделать пару шагов, чтобы оказаться в комнате. Тетя Клава сделала наконец эти два шага и появилась – как была, в кухонном переднике. Вид при этом у нее был перепуганный и растерянный. В комнате негде было повернуться, не было никакой дистанции, чтобы ее соблюдать, а потому она сразу оказалась рядом с кроватью, на которой разворачивалось действие.

Харитонкин тут же отскочил к стенке, красный, потный, злобный, он тяжело дышал.

– Это что здесь происходит? – задыхнулась от негодования тетушка. – Да как вы... А еще врач, позор какой!

– Молчи...

Харитонкин долго искал слово, наконец нашел:

– Молчи, шалава!

Наташа, глядя на ошалелую тетушку, не выдержала и рассмеялась, таким забавным показалось это ругательное прозвище в применении к старой деве.

– Ты чего смеешься, – обиделась тетушка, – тебя насилуют, а ты...

– Это мы еще разберемся, кто тут кого насилует, и что тут делал, и соблазнял! – выпалил в ответ доктор Харитонкин. Ненавидящими глазами, не отрываясь, глядел он на взбунтовавшуюся пациентку. Потом быстро стал собирать манатки – все свои бумажки, стетоскопы и прочее. Пошвырял все это в портфель и направился к двери, еле протиснувшись мимо тети Клавы. У самого выхода остановился. Сказал: – Вы еще пожалеете! Обе.

И так хлопнул дверью, что штукатурка посыпалась с потолка.

После бегства врача напуганная тетушка предположила, что тот может попытаться отомстить им самым жутким образом.

– Ох, боюсь я, Наташка, чего он нам устроит теперь...

– А что конкретно он может нам сделать? – спросила Наташа.

– Может нанять убийцу или заказать нас с тобой гангстерам, – предположила она.

– Ох, тетя, надо меньше итальянских фильмов смотреть! Ну какие у нас тут, в Рязани, гангстеры?

– А ты видела, какие рожи у винного вечером в пятницу толпятся?

– Да уж, настоящая мафия!

Наташа теперь хохотала во весь голос и никак не могла остановиться.

– Это у тебя нервное, – сказала тетушка – И зря ты эту публику недооцениваешь: за бутылку и побьют, и убьют, и квартиру подожгут – да запросто!

Отсмеявшись, Наташа сказала грустно:

– Нет, мстить он будет по-советски, а не по-итальянски.

И оказалась совершенно права.

Первым делом позеленевший от злости Харитонкин отправился к главному врачу Розову А. В. Хотел излить ему душу и заодно проверить реакцию, как он отнесется к требованию примерно наказать дрянную девчонку и ее выжившую из ума старуху-тетку?

Но Розоров на этот раз был не в настроении помогать доктору Харитонкину. Хотя раньше его частенько поддерживал, прикрывал его похождения, а в некоторых проказах даже участвовал сам. Но в последнее время начальник к своему протезе слегка охладел. Во-первых, его вечная претензия на роль ненасытного сексуального хищника стала раздражать – особенно после того, как Харитонкин положил глаз на миловидную медсестру Докучкину, не подозревая, что и сам главврач имел уже на нее некоторые виды и потихонечку подбивал клинья. И вот что еще произошло, вот что с ним случилось: в коридоре поликлиники главврач увидел мельком Наталью и был сильно впечатлен. Затаил в душе некоторую мечту, не до конца еще в голове оформившуюся. Но помечтать было сладко... Справки про Наталью уже наводил... А тут этот, видите ли, является и несет свою пургу...

– Слушай, Аркаша, если ты всерьез намерен обвинить гражданку Шонину в том, что она пыталась тебя соблазнить при исполнении...

– Не только соблазнить, но и почти изнасиловать! С помощью своей развратной родственницы! – воскликнул разгоряченный Харитонкин.

– Ах, вот как... ну в таком случае тебе надо с этим в милицию идти, а не ко мне... Но я тебе по-дружески говорю: не советую. Кто тебе поверит? Первая красавица города его, козла плешивого, соблазняет, понимаешь! Или еще того круче – насилует! Курам на смех. К тому же, учти, у нее, говорят, покровители есть влиятельные... И еще: если ты не в курсе, то должен тебя огорчить: у тебя самого репутация в этом смысле, в женском вопросе, не-того-с...

– А я думал, мы друзья, – упавшим голосом отозвался Харитонкин.

– Вот именно, как друг, я тебе и советую: забудь это дело. И будем надеяться, что, напротив, гражданка Шонина на тебя жалобу не напишет. А то я тебя, конечно, прикрою, как обычно, но на будущем твоём, на перспективах повышения, например, как бы не отразилось...

Так с большим мщением у Харитонкина ничего не вышло. Но он все-таки сумел отомстить по-мелкому. Что-то такое написал во ВТЭК, что те отменили Натальину инвалидность, полученную ею в свое время после нервного срыва.

Наталья в тот момент вовсе не собиралась садиться на крошечную пенсию – ей такое и в голову не приходило. Она не догадывалась, что скоро потеряет работу и что участковый милиционер надумает преследовать ее за тунеядство. Вот когда инвалидная бумажка пришлась бы кстати! Но при всех своих магических талантах предвидеть будущее Наталья не умела, а потому лишь недоуменно повертела в руках пришедшую по почте бумагу из ВТЭКа («с чего это они вдруг обо мне вспомнили?») и засунула ее куда-то. Потом не могла даже вспомнить, куда.

Что же касается оставшихся от Харитонкина просроченных конфет, то Наташа нашла им применение: кормила ими и тетю Клаву, и подругу Ирку, и даже Николая Семеновича Солокольниковца по кличке «Семеныч» один раз угостила. Все уплетали за обе щеки и нахваливали.

Семеныч долгое время ходил в претендентах, вел упорную и планомерную осаду. Но он не добивался близости: раз, бах, трах, впрыснул, побежал дальше – как остальные-прочие. Нет, он именно жениться хотел! Семью предлагал создать – ячейку общества. Наталью это несколько озадачивало, к такому она не была привычна, и, возможно, эта перспектива вдруг пробудила в ней что-то, что есть почти в каждой женщине. Инстинкт очага или нечто в этом

роде. И в какой-то момент она вдруг поймала себя на мысли, что почти готова согласиться, тем более что и тетка ее склоняла к этому варианту. В крутом седом затылке Семеныча, в его крепких еще плечах, упрямой посадке головы, курносости, в его близко посаженных прищуренных серых глазах виделась некая надежность, возможность опоры в этом зыбком, предательском мире. Ну и что, что некрасив и немолод, но вполне еще ничего, здоров, сильная надежная рука, которая всегда поддержит, не даст упасть, если поскользнешься или если толкнут. И потом, возраст и солидность имеют еще то преимущество, что такой муж не будет ветрено гоняться потом за другими юбками. Особенно поразило Наташу, с каким внимательным уважением отнесся Семеныч к ее художеству. Он подолгу, не отрываясь, рассматривал ее полотна – никто из остальных-прочих этого не делал, все они с трудом скрывали свое безразличие к живописи. Другое дело Семеныч. Посмотрев один раз, второй, потом еще третий, он кивал степенно на картины красного спектра – надо было понимать так, что они производили на него наибольшее впечатление. Что не могло не подкупать Наталью.

Чего тебе еще нужно, уговаривала ее проницательная тетка. Давай, бери, пока дают, не видишь разве: человек надежный, прочный, солидный, с серьезным жизненным опытом.

А потом однажды утром пришло письмо в конверте без марки.

Обнаружилось оно в почтовом ящике, вложенным в газету «Известия». Долго лежало на столе, и Наташа его рассматривала издалека. Наконец решительно взяла странный конверт в руки, повертела. Только одна строчка, написанная от руки мелким аккуратным почерком школьницы-отличницы: Шониной Н.А. – и все. Обратного адреса никакого не было. Наташа вскрыла конверт, прочитала написанное тем же девчачьим почерком послание, занимавшее всего-то полстранички какие-нибудь. И задумалась. Тут как раз и тетушка подошла. Наташа протянула ей записку.

Та прочитала – и с размаху уселась на стул – чуть его не сломала.

– Какой же... все-таки... нет, это невозможно!

– Только без мата, – строго сказала Наташа. – И вообще – проверить надо. Вот придет сегодня вечером Семеныч – мы его с тобой и спросим. Напрямую. Все сразу и выяснится. Может, вранье еще. Может, оболгали нашего Семеныча.

– Ох, нет, ох, чую, деточка, не вранье, ох, не оболгали, – запричитала довольно театрально тетушка. Наташа поморщилась, сказала вкрадчиво:

– Не торопись с выводами, тетя. Успеешь еще погоревать и поругаться.

Семеныч явился в тот же вечер: как всегда, молчаливый, подтянутый, весь будто отутюженный-наглаженный. Не опоздал ни на минуту. Вот еще этим он выгодно выделялся на фоне советской действительности – своей пунктуальностью. Недаром он столько лет в армии старшиной отслужил, прежде чем переквалифицироваться в учителя физкультуры и гражданской обороны. Но Наталья точно знала: далеко не все старшины так педантичны, аккуратны и чистоплотны. Некоторые, напротив, кончают жизнь горькими пьяницами.

И вот пришел обязательный Семеныч – как всегда, со скромным, согласно невеликой своей пенсии, подарком. В данном случае – принес шоколадку «Аленка», ценою всего в 80 копеек, но которую не в каждом магазине купишь.

Явился со своим вертикальным затылком и начищенными ботинками. Как всегда, усадила Наталья его чай пить. В ее мягкой улыбке не было ничего необычного и пугающего, но тетя Клава была так напряжена, что Семеныч насторожился, стал щуриться, дуя на чай, поглядывал то на одну женщину, то на другую. Ждал каких-то неприятных сюрпризов.

Но коварная Наталья Шонина дала гостю успокоиться, расслабиться, создала впечатление, что опасности миновали, что все будет, как обычно. И дождавшись момента, когда Семеныч как раз плотал обжигающе горячий чай, молниеносно нанесла свой удар.

– Скажите мне, любезный Николай Семенович, – спросила она, – а нет ли у вас случайно дочери?

Семеныч даже поперхнулся от неожиданности. Обжегшись, он не сразу смог ответить и поначалу просто крутил головой и мычал. Наконец выговорил:

– Дочери? В каком смысле?

– Ну в каком, в каком... в самом прямом... У слова «дочь» есть, по-моему, только одно значение... По крайней мере, в этом контексте... Конечно, если бы вы, Николай Семенович, были бы католическим священником, ксендзом каким-нибудь, то вы практически любую женщину могли бы называть: дочь моя. Хотя вот даже тетю Клаву, здесь присутствующую. Да, да, тетя, не обижайтесь, я вовсе не намекаю на ваш возраст. Но вы, Николай Семенович, ей-богу, на ксендза нисколько не похожи... Так что вопрос простой: нет ли у вас дочери? В традиционном смысле этого слова – ребенка женского пола – не имеете ли?

– Н-ну, есть... есть у меня дочь... взрослая, живет отдельно... а какое это имеет значение? В чем смысл вопроса?

– Да нет, ничего особенного в наличии дочери, конечно, нет... Но странно, что за все время знакомства – а сколько мы уже знаем друг друга... полгода или больше? Помните, как все начиналось в сентябре, как вы предложили мне тяжелую сумку поднести от прачечной? И вот за все время нашего общения вы свою дочь ни разу не упомянули... Напротив, не раз убеждали меня, что вы – человек совершенно одинокий...

– Да, так и есть, – с достоинством отвечал Семеныч. – Дочь моя давно выросла, живет своей жизнью... Так что это не отменяет одиночества. К сожалению...

– Разумеется... Но ни разу даже не вспомнить про нее за полгода разговоров... Как все же странно... Может, вы ее не любите? Может, вы с ней в ссоре? Не разговаривали уже несколько лет? Такие ситуации в семьях бывают.

– Да, почти так и есть...

– Интересное слово – почти. Емкое такое. А мне вот сообщили, что вы одну только дочь свою на свете и любите... говорят, вы за нее готовы глотку перегрызть... И еще информируют меня, что вы видите с ней каждое воскресенье. Каждую субботу – ну почти каждую – вы бываете у меня, а на следующий день у нее, у Марины...

Семеныч помолчал солидно. Спросил:

– Кто же это вас так информирует?

– Доброжелатели, добра желающие...

– Это не доброжелатели, а злопыхатели, интриганы! А я от вас, уважаемая Наталья Андреевна, никак не ожидал...

– Чего не ожидали? Что я захочу разобраться с тем, что мой потенциальный жених из себя представляет? Почему, например, он дочь свою от меня скрывает...

– Да не скрывал я никого...

– Никого, говорите? А знакомы ли вы, уважаемый Николай Семенович, с Алевиной Михайловной из дома 53 по улице Урицкого?

На этот вопрос Семеныч отвечать не стал. Но – удивительный человек! – довольно долго сидел неподвижно за столом и смотрел внимательно на Наталью. Точно изучал. Или ждал какого-то сигнала. Потом, без всяких реплик или даже вздохов, не говоря ни единого слова, вообще не производя ни малейшего звука, аккуратно встал, тихонечко задвинул под стол свой стул, повернулся, шагнул в прихожую, взял пальто с вешалки и исчез – и даже дверь за собой закрыл совершенно бесшумно.

– Смотри-ка, тетя, – задумчиво сказала Наталья, – просто полная противоположность товарищу Харитонкину! Тот кричит, этот молчит, тот дверью грохает, этот умеет закрывать ее совсем беззвучно. Так что полная у меня гармония.

– Негодяи оба последние! – вскричала тетушка. – Один блядун, другой подлец! Даже и не знаю, кто хуже... Одному лишь бы хер почесать, другому от тебя вообще другое нужно – обобрать сироту! И ведь какую комедию перед нами разыгрывал полгода, как в доверие

втерся, мерзавец, почти добился уже такой красавицы, которую во всем городе, во всей области не сыскать... Такое счастье ему, старому козлу, подвалило, а он, оказывается, совсем не по этому делу!

Наташа тем временем сосредоточенно перечитывала анонимное письмо.

– Пари держу, это сама Алевтина Михайловна и писала... хоть и упоминает о себе в третьем лице... Наверняка проследила, куда теперь ее бывший жених ходит, и решила ему отомстить таким образом... Эх, жаль, поспешила я... не успела ему несколько наиболее выразительных строчек отсюда прочитать. А я-то так предвкушала, как будет интересно на Семеныча посмотреть, при вот этих, к примеру, словах...

Наташа сердито сдвинула брови и принялась читать басом, почему-то с поволжским, окающим акцентом:

«Хочу предупредить вас о нависшей над вами смертельной опасности...» Так, ну это можно пропустить, это все патетика... а вот дальше: «Означенный Николай Солокольников преследует, ухаживая за вами, единственную цель – женившись, коварным образом завладеть вашей жилой площадью. Чтобы обеспечить ею свою беременную дочь Марину, снимающую угол на окраине... Его жертвой едва не стала другая достойная женщина, – это она наверняка о себе, – Алевтина Михайловна Брузжина, проживающая на Урицкого, дом 53, лишь благодаря счастливой случайности разоблачившая обманщика».

– Я, кстати, с этой Алевтиной слегка знакома, – вдруг откликнулась тетушка. – Красивая довольно женщина, полная такая... И вот этот наглец старый, после того, как у него не выгорело с Брузжиной, за тебя принялся, просто потому, что ты ему под руку подвернулась... То есть ему даже все равно, красотка, уродка, лишь бы с жилплощадью...

– Да ладно вам, тетя... при чем тут это... главное – другое. Главное, что нас вовремя предупредили. Смотри, что здесь дальше написано: «единственная дочь гражданина Солокольникова Марина остро нуждается в жилье, особенно с тех пор, как забеременела, причем отца у ребенка не наблюдается... Она снимает сейчас конуру в многонаселенной грязной коммуналке с клопами». Ну, в этом месте мне чуть-чуть жалко стало эту самую Марину...

– Ах, жалко? – вознегодовала тетя Клава. – Так, может, отдашь тогда ей свою квартиру, а сама поедешь в клоповник жить – вместе со своими картинами и кистями? Раз такая жалостливая?

– Ладно вам, тетя, не надо утрировать... могу же я выразить обычное нормальное человеческое сочувствие... без того, чтобы меня тут же уличали в недостатке альтруизма... Поскольку квартиру я, разумеется, не отдам...

– Еще чего не хватало! А вообще, альтруизм, опупизм... – дай-ка лучше сюда письмо, я тебе другое место напому...

Тетушка вырвала из рук Наташи анонимное послание и быстро, проглатывая отдельные звуки, но выделяя самые важные места, стала читать вслух:

– «Женившись и прописавшись, Семеныч стал бы вас сживать со свету, освобождая жизненное пространство для доченьки, и в лучшем случае пришлось бы вам разминивать квартиру на две комнаты, пройдя перед этим через круги ада».

– Ну, не стоит все подробности, которые сообщает нам наш анонимный корреспондент, слепо принимать на веру, – строго сказала Наталья. – И вообще: я хотела завершить наши отношения с Семенычем красивым признанием, что восхищаюсь силой его отцовского чувства... ведь не для себя человек старался...

– Восхищаешься? Таким негодяем?

– Ну я бы с долей иронии это сказала бы, конечно... Но вот не довелось... сбежал! А чего испугался, спрашивается, что бы мы могли ему сделать?

– Ну, это ты зря! – вскричала тут тетка. – Я бы так, например, с таким наслаждением съездила бы ему по его поганой физиологии! Жаль, не успела.

На этом Семеныч исчез из их жизни. В отличие от других персонажей, навсегда. А вот тетушка, с ее хваленой проницательностью, была окончательно посрамлена.

3

Вообще-то Наташа не то что в театр, но и по улице ходить не любила. Все по той же причине. Не любила, когда на нее глазают. Это ее несказанно утомляло, а уличные приставания бесили. Но подруга Ирка уверяла, что эта реакция ненормальна. Что нормальной женщине приятно, когда на нее заглядываются... Что от этого устать невозможно, поскольку задевает какой-то там нерв в женском естестве. «Ого, подруга, какие термины... где ты это вычитала?» – удивлялась Наташа.

Как-то раз она чуть было не сказала: посмотрела бы я на тебя, если бы с тобой это происходило каждый день и каждый час. Когда через край перехлестывает, из ушей лезет. Но прикусила язык: сообразила, что Ирке, не избалованной мужским вниманием, это рассуждение может не понравиться. Бывали случаи, когда Наталья бессовестно эксплуатировала свою внешность. Когда-то, в более счастливые времена, она работала в собесе, и выпало ей как-то счастье съездить в Сочи по профсоюзной путевке. Но на обратном пути несколько авиарейсов из Адлера почему-то отменили, следующий самолет осаждали толпы. К тому моменту Наталья провела в аэропорту больше суток, толком ничего не ела и почти не спала, нервничала, боялась, что на работе будут неприятности, если она сильно опоздает. И вот решилась сделать то, чего делать очень не любила, принялась улыбаться белозубо, блеснуть глазами, опускать ресницы. Ей казалось, что у нее это получается из рук вон плохо, что играет роковую красавицу слабо, фальшиво, разводит «самодеятельность» (это было одно из ее любимых ругательных слов). Но, тем не менее, сработало: толпа каким-то волшебным образом расступалась перед ней, по мере ее продвижения к самолету кто-то замирал, точно заколдованный, кто-то пытался заговаривать с ней, кто-то даже взял за руку. Она благосклонно улыбалась направо и налево, руку вежливо, но твердо вырывала. И вдруг оказалась перед трапом самолета.

Еще раз это случилось много лет спустя. Она сбежала с работы на 15 минут, потому что тетушка лежала в больнице, у нее был криз. А в овощном давали апельсины, очередь выстроилась бесконечная, нервная и злая, было понятно, что вставать в хвост, доходивший до самой почты, бесполезно. А Наташа приобрела себе к тому моменту белую ослепительную шубку из искусственного меха, венгерского производства, которая досталась ей на облисполкомовской распродаже. На распродажу она тоже угодила не просто так (Корчев постарался), но в свое оправдание она говорила сама себе, что вовсе туда и не стремилась, мало того, она даже и не знала, какие такие бывают распродажи. В магазинах ничего не было, кроме кособоких костюмов фабрики «Большевичка» да бесформенных пальто и плащей, в лучшем случае бумажейную рубашечку можно было подкупить производства Болгарии. Здесь же выбор оказался такой, что у нее глаза разбежались. И мохеровые шарфики (все та же Венгрия), и меховые румынские перчатки, и сапоги гэдээровские... И польские водлазки. То есть умопомрачительный дефицит. Стыдно признаться, но пришла в нездоровое возбуждение. А ведь считала себя равнодушной к тряпкам. Хорошо, она одолжила у тетки 220 рублей на всякий случай. И вот почти все деньги ушли на шубку, которая по насыщенности своего белого цвета была чудо как хороша. Действительно ослепительна.

И вот в этой-то шубке и вошла в овощной Наталья. Она шла себе и шла, и вдруг поняла, что очередь, бесновавшаяся и злобно толкавшаяся еще секунду назад, при ее приближении ошеломленно замолкает и как будто расступается, образуя проход для нее. И ей просто даже ничего больше делать не остается, как входить в эту возникающую перед ней лагуну. И, лепеча «мне для тетушки, в больницу», почти помимо своей воли оказалась она перед кассой. Кассирша смотрела на нее злобно, но тоже почему-то не поставила под сомнение право Натальи приобрести апельсины без очереди. Она лишь буркнула: «Два кило в одни руки!»

Наташа согласно кивнула: ей было стыдно. Но килограммы свои она получила, оставив без дефицитных цитрусовых кого-то, кто терпеливо дожидался сзади своей очереди.

А вдруг, думала Наталья, этот кто-то для больного ребенка за апельсинами стоял? В общем, по магазинам в той шубе Наталья больше не ходила. Но ее и без шубы все равно то и дело норовили пропустить без очереди. Мужчины. Женщины стояли на страже общественной морали, старались помешать безобразию, но не всегда побеждали в этой борьбе.

В последнее время Наташа наладилась выходить на улицу в бесформенном сером пальто, купленном по случаю на толкучке, с оренбургским платком на голове. Пробовала носить темные очки, но они настолько нелепо выглядели в сочетании с платком и прочим, что от этой идеи пришлось отказаться. Тогда Наташа стала с азартом работать над изобретением особого рода набора косметических средств, с помощью которого можно было бы загасить цвет кожи лица, сделать бледнее губы... Тени и густые кремы позволяли ей изменить пропорции лица, вернее, их восприятие. Что-то удлинить, что-то как будто укоротить. О, художник-колорист много чего может сделать с помощью правильно подобранных смесей! Наталья все более совершенствовалась в этом оригинальном искусстве, достигая поразительных результатов в «приглушении эффекта», как она это называла. Наконец удалось ей разыскать и большие уродливые тяжелые мужские очки, в которые знакомый глазник вставил стекла без диоптрий. Теперь и глаза в значительной мере были «погашены».

Когда в таком виде ее однажды встретила Ирка, она была скандализирована.

– Что это, как это! – кричала она на всю улицу. – Где ты взяла эту гадость? Нет, мамочки, что ж это такое деется! Ой, держите меня!

Наталья умоляла ее не кричать. Прижимала палец к губам. Оглядывалась. Говорила, да тише ты, Ирка, тише, так надо!

– Ты же раньше никогда косметикой не пользовалась! С какого же перепуга теперь ты за это взялась!

Никакого перепуга, уверяла ее Наталья, ну вот, просто решила попробовать.

– Ты в зеркало хоть смотрела? – продолжала допрос Ирка.

Наталья отвечала, что да, конечно, перед зеркалом она как раз этот грим и наносила.

– Но ты представляешь, как ты себя изуродовала? – вопрошала оскорбленная в лучших чувствах Ирка.

Наталья хотела было откровенно объяснить подруге смысл операции, но осеклась, испугалась, что Ирка неправильно поймет, рассердится, пожалуй. Скажет, сузив глаза: вот как, значит, ты считаешь нужным себя изуродовать, прежде чем спускаться со своих небес в мир простых смертных? Ну, или что-нибудь в этом роде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.